

АРТУР ПРОКОПЧУК

МУЖИ ЗЕМЛИ БЕЛАРУСЬ

1000- ЛЕТ ИСТОРИИ ОТ ЭПОХИ
КНЯЖЕСТВ ДО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Артур Андреевич Прокопчук
Мужи земли Беларусь.
1000 лет истории от эпохи
княжеств до образования
Республики Беларусь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37664572
ISBN 9785449340832

Аннотация

Материалы для изучения истории Беларуси. Деятели истории с X века до XX-го в контексте исторических событий. Переломные моменты истории от Великого Княжества литовского до образования независимой Республики Беларусь.

Содержание

МУЖИ ЛИТВЫ-БЕЛАРУСИ	6
Х – XIII века	9
РОГВОЛОД	9
ИЗЯСЛАВ	16
ВСЕСЛАВ – ЧАРОДЕЙ	21
КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ	28
МИНДОВГ	36
XIV – XV века	48
ГЕДИМИН	50
ОЛЬГЕРД	62
ЯГАЙЛО	73
ВИТОВТ	86
ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ -БРАТЬЯ (ГРЮНВАЛЬД 1410 год)	103
КАЗИМИР IV	130
АЛЕЛЬКА	133
ОСТРОЖСКИЙ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ	136
XVI век	140
НИКОЛАЙ РАДЗИВИЛЛ	151
ГАШТОЛЬД Альбрехт	158
ГУСОВСКИЙ Николай	161
СКАРЫНА	164

**Мужи земли Беларусь
1000 лет истории от эпохи
княжеств до образования
Республики Беларусь**

**Артур Андреевич
Прокопчук**

© Артур Андреевич Прокопчук, 2018

ISBN 978-5-4493-4083-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МУЖИ ЛИТВЫ-БЕЛАРУСИ

Французский историк Марк Блок определил историю, как «науку о людях во времени». Мне по душе такая формулировка, поэтому я собираю факты биографий исторических личностей нашей отчизны, известных её представителей, да и просто замечательных людей земли Беларусь, древней Литвы или Alba Ruthenia, как бы не назывался этот край в прошлом, земли, на которой жили многие поколения моих предков.

Выдающихся деятелей европейской и мировой истории и культуры, сколько дала за одиннадцать веков «Литва беларуская» (может, и неудачное, но мое определение), Беларусь, в любое, наугад выбранное столетие, множество, их можно найти в разных энциклопедиях. Даже в самый тяжелый для беларуского народа XIX век, когда царским распоряжением был запрещен беларуский язык («родная мова» бел. яз.), разгромлена царскими властями и задушена иерархами Русской православной церкви «народная вера» – Униатство, отобрана в пользу русских военачальников и высокопоставленных чиновников главная опора беларуской шляхты – их родовые замки, поместья и наследственные земли, фактически уничтожен царскими бюрократами элитный культурный слой народа – «шляхетство», даже в те столетия литвины-беларусы и их соотечественники дали миру десятки, если

не сотни, выдающихся, неповторимых личностей. Я отмечу лишь нескольких, так как весь список долог, это требует отдельного места и много страниц. Это мой личный выбор, мои предпочтения, мои герои. Здесь представлены те личности, великие или малые, которые оставили свой след в многовековой истории Великого Княжества Литовского и Беларуси, что под разными названиями продолжили древние традиции народа, сделали свой вклад в культуру, науку, историю Европы, Америки, России и сегодня могут являться гордостью Республики Беларусь...

Вот они – от Рогволода Полоцкого до Константина Острожского, от Францышки Скарыны до Рыгора Барадулина. От Льва Сапегы до Тадеуша Костюшки и Кастуся Калиновского. Здесь будут и Дунин Марцинкевич, и Янка Купала, Якуб Колас и Максим Богданович, Василь Быков и многие, многие другие, в том числе, ушедшие в чужие земли на волнах восьми эмиграций из Беларуси... Соль белорусской земли, «Бацькі нацыі»...

X – XIII века

РОГВОЛОД

Памятная медаль, выпущенная в Беларуси, с изображением Полоцкого князя Рогволода и его дочери княжны Рогнеды

О Рогволоде (около 920 – 977) не сохранилось почти никаких сведений в летописях. Однако именно с его именем связаны начальные, более или менее достоверные, обрывочные строки о Полоцком княжестве. С него начинается история зарождения древнего государства на белорусской земле, или на землях *Alba Ruscia*, как было обозначено в «Дублин-

ской Рукописи», написанной в XIII столетии.

Скупые сведения о Рогволоде содержатся в древнерусской летописи «Повесть временных лет» (ПВЛ) под 980 годом. Но все, что о нем известно, укладывается в одно предложение энциклопедии: «Рогволод (др.-рус. Рогъволодь, Роговолодь; ок. 920 – 978, Полотеск) – князь Полоцкий, варяг, отец Рогнеды, основатель династии полоцких князей, участник событий междоусобной борьбы в 975 – 980 гг.»

Впрочем, варяжское происхождение Рогволода (от мифического Ульфа Тостессона) оспаривается в пользу его славянских, кривичских корней, а что такое «варяги», не ясно до сих пор. Ряд историков (П. В. Голубовский, Н. И. Костомаров, М. В. Довнар-Запольский) сомневались в варяжском происхождении полоцких князей.

Имеется объяснение имени Рогволода из славянских слов «рог» и «волод» («володеть», др. слав. владеть), которое использовалось у кривичей. (Подробнее о Рогволоде в [1]).

Христианство проникало на земли древней Литвы (Беларуси) разными путями. С юга, через Киевскую Русь, с запада через Польшу, но были и отдельные случаи прихода проповедников слова Божия через северные земли. Так согласно датской «Саге о крещении», около 1000-го года Полоцк посетил варяжский миссионер Торвальд Кодрансон, выходец из далекой Исландии, до этого побывавший в Иерусалиме, основавший недалеко от Полоцка храм в честь Св. Иоанна Предтечи, одноименная церковь которого, по-видимому,

упоминается в позднейших актовых грамотах XIV столетия. Явно языческое, славянское имя Рогволод, было дано сыну и внуку Всеслава Полоцкого (в крещении Борис) во второй половине XI века [2].

Язычество позволяло кривичам долгое время сохранять свою «несхожесть» с соседями, отстаивать самобытность народа, противостоять притязаниям на свои земли южных и восточных соседей. Несмотря на родственные связи с Киевской Русью, Полоцкие князья, чуждались потомства Владимира, а сами себя считали «Рогволодовичами», внуками легендарной Рогнеды, и «отчину» свою вели не от пожалования князем Владимиром земель своему первенцу Изяславу, а по линии наследования Полоцка от его деда Рогволода, подло убитого князем Владимиром.

Таким образом, несмотря на легендарность источников о князе Рогволоде, можно не сомневаться в его историчности, упоминания о его дочери Рогнеде носят ранний летописный характер и восходят к первой половине XI века.

Явно языческое, славянское имя Рогволод, было дано сыну и внуку Всеслава Полоцкого (в крещении Борис) во второй половине XI века. Языческие культовые сооружения разбросаны до сих пор в разных местах Беларуси, наиболее известные из них – «Борисовы камни».

«Рагваладаў камень» (камень Рогволода, бел. яз.) – монументальный памятник эпиграфики XII века, находился у деревни Дятлово Беларуси.

Борисов камень

В 1171 году на валуне, высотой в 3 метра, был высечен шестиконечный крест (крест Ефросиньи, «беларуский» крест) и надпись на церковнославянском языке: *«В лето 6679 месяца мая в 7 день доспен крест сей. Господи помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борису».*

Крест и надпись были высечены по приказу другого, друцкого князя Рогволода (в крещении Борис), который после голодной зимы 1170—1171 годов освятил языческие камни в надежде на урожай.

Валун был взорван в 1930-х годах, якобы с целью строительства шоссе Москва-Минск, однако его обломки ещё много лет лежали на своём месте после прокладки трассы.

Сохранилось всего четыре «беларуских» Борисовых камня, один из которых в 1888 году был вывезен в Россию и сейчас находится в музее-заповеднике Коломенское. В Беларуси осталось три древних камня: один из них возле храма св. Софии в Полоцке (Витебская обл.), Воротишин крест в дер. Камено (Вилейский район, Минская обл.) и в городе Друя (Браславский район, Витебская обл.). Кстати, последний из них долгое время был скрыт под водой на глубине, куда его стянул весенний ледоход в первой половине XX века. Только в 2002 году его удалось обнаружить и вытащить на берег.

Толерантность, терпимость к представителям других народов и религий, уважительное отношение к женщине, безусловно, отличали атмосферу, в которой росли и воспитывались дети в семьях Рогволодовичей. Двоеверие (христианство в разных формах и язычество) стало духовной основой политики полоцких князей в X и XI веках и способствовало объединению княжества, уделов и селений, отдельных славянских и прибалтийских племен (лютичи, пожегнаны и др.).

Язычество легко уживалось с наступающим с запада и юга христианством разного толка, многоязычие было естественным явлением во всех городах Полоцкого княжества. Через пару столетий и латынь стала входить в норму образованных людей, вступающих в контакты с романизированной Европой. Древний общеславянский язык западных славян, оформленный Кириллом и Мефодием в церковно-славянский, выделившийся из разных говоров исходной балто-славянской общности, претерпевал со временем неизбежную трансформацию, и в виде разных форм старобеларуского стал основой современного белорусского языка.

По оценкам Юрия Брезнана (одного из крупнейших писателей Германии, писавшего на лужицком языке), около половины лужицких сербов и большинство лютичей мигрировали на территорию западной Беларуси, спасаясь от немецкой экспансии, что оказало огромное влияние на формирование белорусского этноса. По мнению Юрия Брезнана белорусский и лужицкий языки очень близки друг к другу.

Чешские источники подтверждают, что часть лютичей, спасаясь от немецкой экспансии, переселились в Чехию, а другая часть лютичей двинулась на восток – к бассейнам рек Немана и Вилии [4].

Старобеларуская форма языка, наиболее разработанная на этих землях, стала государственным языком Велико-

го Княжества Литовского (ВКЛ), языком всех официальных документов, наравне с латынью Европы. Все, без исключения, дошедшие до нас документы княжества, его канцелярии, с XIV-го по конец XVIII-го века (до раздела Жечи Посполитой), так называемые «Литовские метрики», написаны на старобеларуском языке. На нём же были изложены главные государственные документы ВКЛ – «Трибунал» и «Статуты» ВКЛ разных лет (1529, 1566, 1588), не без основания, названные ПЕРВЫМИ ЕВРОПЕЙСКИМИ КОНСТИТУЦИЯМИ, где было, опять таки впервые, узаконено юридически «разделение властей» на законодательную, судебную и исполнительную.

«Правом судите, сыны человеческие» – было записано на титульном листе, в строке Статута 1588 года (Статуты ВКЛ).

ИЗЯСЛАВ

Но вернемся в X век, ко времени Рогнеды и к истории разрастающейся кривичской семьи Рогволодовичей. Надо думать, что начиналась жизнь маленьких сыновей Рогнеды с материнской древней «калыханки» («колыбельная», бел. яз.), а книжное знание и уроки чтения были обязательными в их домашнем образовании. Основы этого воспитания дали ее сыновьям возможность твердо и последовательно править вотчинами, проводить вдумчивую политику, учили жить в мире со своей родней, братьями, ладить, по возможности, с соседями.

Сосланная после покушения на мужа с малолетним Изяславом в Полоцк (в Изяславль, по другой версии), Рогнеда приступает к восстановлению города, разрушенного князем Владимиром. В 988 году Изяслав, вместе с другими братьями, принял святое крещение, а в 989 получил полоцкую землю «в удел».

Рогнеда с сыном отстроили Полоцк, перенесли столицу княжества на более высокое и неприступное место в устье реки Полота.

Рогнеда в конце жизни приняла постриг и скончалась в Изяславле (сегодня г. Заславль, Минская область), в 1000 году. В 1001 году в Полоцке умер и её старший сын, князь Изяслав, оставив после себя сыновей, Брячисла-

ва и Всеслава.

Известен его родовой знак – свинцовая, найденная при раскопках в Новгороде, печать, на которой изображен трезубец с маленьким крестиком на среднем зубце.

Печать князя Изяслава

(конец X века)

На землях к юго-западу от Полоцка, в X веке сложились Туровское и Пинское княжества, участвующие в походах и против Полоцка, и против Минска. Отдельно остановимся на возникновении в XII-XIII веках политического ядра будущего Великого Княжества Литовского (ВКЛ), включающего города Новогрудок, Берестье (Брест), Услоним (Слоним), Менск (Минск) и Городень (Гродно). Здесь дреговичи, смешиваясь с полоцкой ветвью кривичей, соприкасаясь с радимичами и некоторыми балтийскими племенами, вероятно, ятвягами и деволтами, и составили основу нового «литовского» государства, здесь начал формироваться «лит-

винский» (беларуский) этнос.

Немалую роль в становлении самосознания нового сообщества сыграло христианство, медленно расширяющее свои границы в языческом окружении дреговичей и кривичей.

Согласно «Саге о крещении» около 1000 года Полоцк посетил варяжский миссионер Торвальд Кодрансон, выходец из далекой Исландии, до этого побывавший в Иерусалиме, основавший недалеко от Полоцка монастырь Св. Иоанна Предтечи, одноименная церковь которого упоминается в позднейших актовых грамотах XIV столетия.

Упоминание о столкновениях на Туровщине первых христиан и язычников, вероятно, происшедших на рубеже X – XI веков, встречаем в местном предании рассказывающем о каменных крестах приплывших к Турову по Припяти и окрасивших её воды напротив города в цвет крови. В этой связи, вспоминается имя мученика Дионисия, по преданию проповедовавшего веру Христову ятвягам, проживавшим в глуши туровских лесов, и убитого ими» [2].

Может быть, в народном сознании это имя вытеснило явно «латинское», чуждое для местного населения, имя святого Бонифация (Бруно), убитого по тем же причинам, язычниками.

Особняком стоит история Туровского княжества, древне-

го государственного образования на современных белорусских землях, расположенное в Полесье (территория Юго-Западной Беларуси) по среднему и нижнему течению Припяти. Оно было завоевано киевским князем Владимиром и присоединено к киевскому в 980 году. Киевские летописцы называют эти земли «Русью».

Через два столетия княжество сможет освободиться от киевского престола (1162), а через полтора столетия, при князе Гедимине, войдет в состав Великого Княжества Литовского (XIV век).

Однако, немного о нашем герое, князе Изяславе, который продолжил род Рогволодовичей.

Согласно «Никоновской летописи» характер Изяслав имел *«тихий, и кроткий, и смиренный, и милостливый»*. Никоновская летопись показывает его к тому же, как умного, образованного человека [3].

Рано умер, видимо, совсем юным, старший сын Изяслава Всеслав Изяславич (? – 1003), князь Полоцкий (1001—1003), летопись содержит только дату его кончины. Сведений о его жизни не имеется, княжество Полоцкое наследует в 1003 году его брат (ок. 1029). После смерти деда, в 1015 году, согласно «Жития Святого Владимира», он наследует и Луцк.

В летописном рассказе об усобице Владимировичей в 1015 – 1019 годах он не упоминается, военные действия

происходили в это время в стороне от владений Брячислава. Но вскоре *«вынимают меч Рогволожи внуки против Ярославовых внуков»*.

ВСЕСЛАВ – ЧАРОДЕЙ

Думаю, нанесенное их матери, Рогнеде, оскорбление, устно передававшееся из поколения к поколению, буйные характеры сводных киевских братьев от других жен Владимира, не последняя причина их длительной вражды, перенесенной в следующие века и в отношения с другими, появляющимися в это время восточнорусскими князьями и городами во главе с потомками Ярослава.

Все историки отмечают обособленность князей этой ветви от остальных Рюриковичей, они настойчиво называли себя «Рогволодовичами», подчеркивая историческое несовпадение интересов с «Ярославичами» (Рюриковичами).

Генетическая неприязнь к потомкам Киевского князя со «времен Рогнеды» сохранилась у Рогволодовичей на много веков. В отличие от Рюриковичей, они держались за владение уделами исключительно в землях кривичей с центром в Полоцке. Даже имена у полоцких Рогволодовичей были приняты, в отличие от их киевских родственников (Рюриковичей), древние славянские, языческие – Рогволод, Всеслав, Брячислав. Кроме того, именно «Рогволодовичи» легко вступали в тесные родственные связи с «литовскими» Гедиминовичами, язычниками в то время. Сохранялась долгие годы несомненная комплементарность двух соседних княжеств, по крайней мере, на уровне элит, что может являть-

ся дополнительным аргументом «полоцкого» происхождения литовских князей, начиная с Гедимины.

Нас эти обстоятельства интересуют в силу известного, сложившегося веками, несомненного родства не только княжеских фамилий, но и народов, точнее их славянской и балтской частей (дреговичи, кривичи и, вероятно, ятвяги и дзюки), образовавших, так называемых «литвинов» – основное население Великого Княжества Литовского.

Но вернемся в это захватывающее историческими поворотами столетие, кровавое и кровосмесительное, создавшее начала истории Литвы-Беларуси. Обратимся к истории людей, населяющих земли, подвластные Полоцку, Новогрудку, Минску, Гродно и Вильно.

Всеслав «Чародей»

герой «Слова о полку Игореве»

(из Радзивиловской летописи XV века)

В 1044 году Всеслав Брючиславович, «Чародей», по смерти своего отца, наследовал княжение в Полоцке. Эпохой расцвета Полоцкой земли стало его длительное, полувековое княжение (1044- 1101).

Полоцк, возрожденный после варварского разорения, нашествия на город киевского князя, достиг своего могущества во времена правления этого легендарного князя, которому посвящены поэтические строки в «Слове о полку Игоревом». («Полоцкая тема» занимает в «Слове»», по известным причинам, большое место).

Власть Полоцкого князя распространилась на нижнее Подвинье и позволила княжеству выйти к Балтийскому морю. Княжеская династия Рогволодовичей проводила твёрдую и самостоятельную политику, подвергаясь бесконечным попыткам Киева подчинить себе полоцкие земли.

Перстень Всеслава «Чародея»

Войска княжества часто совершали набеги на соседние земли. Войско Всеслава «Чародея» в 1065 году осаждало Псков, а в 1066 году он начал войну с новгородским князем, взял Новгород, снял там колокола и установил их на звоннице Софийского собора в Полоцке, втором по важности и времени закладки (1030) каменном храме восточного христианства. (Храм был взорван во время стояния войск Петра I-го в Полоцке, позже восстановлен «униатами»).

В начале 1067 года Всеслав идет походом на Новгородок (сегодня г. Новогрудок Минской обл.), находившийся в вассальной зависимости от «киевских» князей, и занимает его. В том же году против него выступили, объединившие свои полки, «Ярославичи» – Изяслав Киевский,

Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. В битве на Немиге (первое упоминание о Минске в летописи, Менск в ПВЛ), 3 марта 1067 года, Всеслав потерпел поражение и отступил. Спустя четыре месяца он был вызван на переговоры в район Орши, обманом (братья Ярославичи «клялись на кресте» о начале мирных переговоров) захвачен в плен и приведён в Киев, где его и двоих его сыновей пленили и посадили в «поруб» (др. слав. яз. -«деревянная темница»)

Всеслав на лодке с сыновьями

Радзивилловская летопись XIV век

На гравюре из Радзивилловская летописи XIV века, Всеслав на лодке с сыновьями перебирается на другой берег Днепра для переговоров.

В 1068 году киевляне подняли восстание, Ярославичи (Рюриковичи) были изгнаны, киевский князь бежал в Польшу, Всеслава «Чародея» горожане освободили из плена

иобъявили Великим князем Киевским, но на этом престоле он пробыл менее года. Покоя ему не давала судьба его родины – *«Всеслав слышал звон колоколов Софии Полоцкой»* («Слово о полку Игореве»). Он собрал дружину, вернулся с ней в Полоцк и изгнал Святополка Изяславича («Окаянного»), захватившего в его отсутствие столицу Полоцкого княжества.

Во времена правления Всеслава Чародея в Полоцке проживало около 10 тысяч человек по археологическим и историческим оценкам. Кроме Полоцка, в княжество входили еще 16 городов, в том числе, Минск, Друцк и др. Всеслав немало воевал с соседями, не отличающимися мирным характером. В 1078 году он совершил поход на Смоленск и разорил его. В ответ Владимир Мономах, собрав в Чернигове дружину, отправился с черниговской дружиной в поход и фактически уничтожил город, не оставив, по его собственным словам («Поучение к детям» в составе Повести временных лет), в живых *«ни челядина, ни скотины»*. Минск и Новогрудок не давали покоя «рюриковичам» еще не одно целое столетие.

В XI-ом столетии впервые в хрониках появляется новое название юго-западных и южных земель современной Беларуси – «Литва», упомянутое в «Кведлинбургских анналах» в 1009 году, когда христианский миссионер Брунон Бонифа-

ций был убит язычниками где-то на границе «Руси и Литвы». Источники Ватикана сообщают о месте гибели Брунона Бонифация около Пинска, на землях дреговичей (или ятвягов). Там Ватикан воздвигнул храм в его честь, обозначив южную границу Литвы около Пинска.

Исторические документы утверждают следующее:

«...там где Брест, Белая Вежа, Беловежская пуца, реки Ясельда, Мухавец, Нарев, Зельва, жили ятвяги. Они и сейчас там живут, но не сберегли своих отличий, ибо потеряли князей. От Полесья до Вильно, от Гродно за Новогрудок – эта земля называлась Литвою. А потом стали здесь селиться славяне-русины и построили города Гродно, Слоним, Вильно, Лиду, Новогрудок, Волковыск, стала она называться Русь Литовская. А за Вильно до Ковно лежит Аукштайтия, а от Ковно до моря Балтийского – Жемайтия, а в другую сторону от Вильно, к Полоцку, где города Ошмяны, Ворняны, Свираны, Медники, Крево, Сморгонь, Гольшаны, эта земля называется Гольшанской. А Полоцкая, Витебская, Могилевская, Смоленская земли называются Белая Русь...» [4].

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ

Особняком стоит история Туровского княжества, древнего государственного образования на белорусских землях, расположенного в Полесье (территория совр. Юго-Западной Беларуси) по среднему и нижнему течению Припяти. Оно было завоевано киевским князем Владимиром и присоединено к киевскому княжеству в 980 году. Киевские летописцы называют эти земли «Русью».

Через два столетия Туровское княжество сможет освободиться от киевского престола (1162), а через полтора столетия, при князе Гедимине, войдет в состав Великого Княжества Литовского (XIV век).

Туровское княжество было культурным средоточием православного христианства, проникшего сюда из Галицко-Волынских земель, где жили исторические «русины», проживающие там до наших дней. Остатки тех древних «русинов» сегодня можно найти на западе Украины, востоке Словакии, в Сербской Воеводине, в юго-восточной Польше, северо-востоке Венгрии и северо-западе Румынии. Здесь появилась древнейшая из известных науке славянских книг – «Туровское евангелие» (XI век). С Туровым связана вся жизнь знаменитого церковного деятеля и писателя, епископа Турова, Кирилла Туровского.

Памятник Кириллу Туровскому

(г. Туров, Беларусь)

За свои таланты он был прозван «вторым Златоустом». Кроме «Туровского евангелия», до наших дней сохранились восемь произведений этого выдающегося древнего славянского писателя, так называемые, «Слова-проповеди» и около трех десятков стихотворений.

Легендарная «Литва Миндовга» зарождается значительно позже, в XIII веке на землях, ограниченных городами-княжествами – Новогрудком, Минском, Слонимом и Гродно, на границах с Жемойтией и Аукштайтией, включен-

ных позже, и в разное время, в процесс становления ВКЛ. Жамойтия окончательно вошла в состав княжества только в 1422 году, после завершения войны Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом, после знаменитого Грюнвальдского сражения (1410). Объединенными войсками Великого княжества литовского и Польши в Грюнвальдском сражении командовали двоюродные братья – Великий князь литовский (правильнее «литвинский») Витовт и король Польши Ягайло. Во главе войска Тевтонского встал Великий магистр Михаэль Кюхмайстер. Тевтонцы потерпели жестокое поражение, Великий магистр сложил с себя полномочия магистра. Новый Магистр ордена Пауль фон Русдорф 27 сентября 1422 года подписал мирный договор (Мельно, Польша), по которому Тевтонский орден навсегда отказывался от притязаний на Жемойтию и земли Понеманья. Великое княжество Литовское получило доступ к Балтийскому морю в районе Паланги.

Строго говоря, Жамойтия (Жемайтия), оставалась для Великого княжества все время лишь территорией, на которую хотя и распространялась власть Великого князя литовского, но признавалась частичная автономия этих земель (с 1441 года). А в Статуте ВКЛ 1566 года (9-й артикул, III раздел) уже фактически ограничиваются политические права жемайтов («и иных»...) – *«потомки наши великие князи Литовские давати будут повинни только Литве а Руси, родичом сторожитым и врожон-*

цом (урождённым, прим. автора) *великого князства Литовского...*»

Под княжеством «литовским» тогда понималась только земля «литвинов» (современных беларусов), не Аукштайтия или Жамойтия, (территории сегодняшней Литовской республики). Жемайтия занимала, примерно, половину современной Литовской Республики. Что касается второй половины Литовской Республики – Аукштайтии, то к концу XIII века она полностью входила в состав ВКЛ и единственный раз упоминалась в летописи у Петра из Дусбурга в «Хронике земли Прусской» [9].

Сложные процессы консолидации племенных союзов в Литве, христианская, а в большинстве областей православная, окраска социальных отношений, первые рукописные «русские», старославянские, или правильнее, церковнославянские книги «библейского канона», предопределили появление и другого названия, общего упрощенного термина «Русь» для многих удельных княжеств, из которых складывалось новое государство, Великое Княжество Литовское (ВКЛ). Так что не стоит удивляться возникновению у некоторых историков несколько неудачного термина – «Русь литовская».

«Литва», «литвины» станут в средние века обозначением всего населения ВКЛ, а «литвинский», «русский», или точнее – старобеларуский язык («западно-русский» – термин

русских и советских лингвистов), предшественник и предок белорусского языка, станет основным языком всех, без исключения, государственных документов, письменности и бытового общения населения ВКЛ на протяжении половины тысячелетия.

В этом нет ничего загадочного, большая часть населения на тысячекилометровой территории Прибалтики многие века пользовалась общеславянским языком, в основе которого лежали говоры западных славян или балтов, с некоторыми местными диалектами, как «полесский говор» у «палешуков» [5] или «русинские» языковые формы южных соседей в Галиции.

Этот язык, конечно, подвергался влияниям и других соседствующих языков, носители которых веками «чересполосно» проживали здесь же. На этой основе складывался новый, литвинский, или, как его называют сегодня, старобеларуский язык.

Жамойтия и Аукштайтيا практически не принимают участия в становлении этого нового, славянского в своей основе, языка. Их диалекты долго сохраняют свою первооснову, в силу изолированности от соседних племен и народов, и считаются некоторыми лингвистами наиболее близкими к древним индоевропейским корням.

Общий для многих племен и княжеств старобеларуский язык, принимал все более разработанные формы не только

бытового общения, но и как инструмент для торговых, межгосударственных связей или цехового, ремесленного предпринимательства в городах, и отвечал усиливающимся административным связям возникающих княжеств. Этот язык легко освоил письменность, проникающую на эти земли с распространением христианства в IX-X веках, стал предпосылкой культурного строительства, позволил создать основу для слияния многих удельных княжеств в крупное, политически оформленное государство – Великое Княжество Литовское (ВКЛ).

Письменность здесь получила широкое распространение на 500 лет раньше, чем у претендующих на особую роль в становлении ВКЛ Жемойтов и Аукштайтов. Христианство шло на эти земли с юга и с запада и не встречало особого сопротивления у местного населения. «Насильственного крещения», подобно киевскому в водах Днепра, практически не было отмечено на литвинских (беларуских) землях до начала XIX столетия, когда земли ВКЛ были захвачены Российской империей. Новая религия, как правило, принималась местным языческим населением добровольно, правда, не всегда, вытесняя старинные традиционные формы поклонения другим богам, а часто и соединялась с ними самым причудливым образом. Ожесточенная «борьба за души» начнется в этом регионе много позже, через несколько веков, особенно после окончательного присоединения земель ВКЛ к Российской империи (1795 год). Началась борьба

ба Русской православной церкви (РПЦ), наступление «московского православия» на «беларускую веру» (униатство) после царских указов 1839 года.

А пока ассимиляция местного населения балто-славянским (или наоборот, что не меняет общей картины) протекает медленно и растягивается на несколько столетий.

Важнейшим значением для дальнейшего развития городов и княжеств, а в целом и самосознания населения беларуских земель, стало принятие в X веке христианства Туровским и Полоцким княжествами (византийского обряда). Почти одновременно, в начале XI века, в Турове было основано первое христианское епископство (западного обряда, христианство еще не разделилось на две конфессии). А на территориях между этими религиозными центрами, на землях Новогрудского, Минского и Гародненского (совр. Гродненское) княжеств еще несколько веков сохранялось язычество, легко уживающееся с другими представлениями о мироздании. Здесь можно усмотреть исторические корни религиозной «памяркоўнасці» (слово, трудно переводимое на русский язык, не очень точно – толерантность, уступчивость или снисходительность), конфессиональной и национальной терпимости и доброжелательности населения беларуских земель, сохранившимся через столетия до наших дней.

Летописцы долго называют население земель, соответ-

ствующих территории современной Беларуси, как «кривичи, дреговичи, радимичи». Позже термин «Русь», с разными прилагательными, сопутствуя продвижению православного христианства, вместе с церковнославянским языком канонических книг, из Киевской Руси, из Галицко-Волынского княжества, населенными «русью», «русинами», проникает и на территории соседних племен и княжеств.

МИНДОВГ

Придется вернуться к началу истории создания княжеств на землях современной Беларуси, чтобы понять причины объединения их в новое государство, расширившее за короткий срок свои границы далеко за пределы древнего Новогрудского княжества. Одной из главных причин необходимости объединения стал несомненный упадок, слабость княжеств, дробление их территорий и борьба наследников, сыновей и близких родственников за «княжение». Так в 1101 году, после смерти князя Всеслава «Чародея», Полоцкое княжество было поделено между его сыновьями. Полоцким князем стал Давид (1101—1128), Друцким – Борис Рогволод, Минским – Глеб. Вскоре между ними начались усобицы, и былая военная мощь Полоцка начала слабеть. Три десятилетия спустя, после смерти киевского князя Мстислава Великого (1132 год), окончательно распалась и вся Киевская Русь.

Много записей о древней «Литве» содержится в Галицко-Волынской летописи. В ней первое упоминание об этих землях относится ко времени около 1210 года, когда «*литва и ятвяги*» воевали в «Червенской Руси». В конце 1219 года несколько отрядов «*литвы*» нанялись на службу к волынским князьям. В так называемом «Пискаревском летопис-

це» есть и более ранняя дата появления «литвы» – «*В лето 6548* (1041 по совр. летоисчислению) *ходи князь великий Ярослав на литву*» [6].

Рассмотрим и эти сведения, насколько они коррелируют с имеющимися другими источниками. И начнем с упоминаний о Миндовге, об основателе ВКЛ, так как более или менее достоверные архивные документы, как и многочисленные легенды, связаны, именно, с его именем.

Гравюра с изображением Миндовга
(предположительно)

из «Описания Европейской Сарматии» Александра Гваньини (XVI век)

По «русской версии», в «Ипатьевской летописи» [7], Миндовг являлся *«пришлым наемником»* или, точнее, *«приглашенным на княжение в Новогрудок»*, и совершал свои походы из Новгородских земель, покоряя соседние земли Жемойтские, Деволту и Аукштайтию. Так что появление его со своим войском в «Литве» по «русским источникам» коррелирует с приведенными сведениями из «Великой Польской хроники» [8].

Совпадения этих сведений у русских летописцев с польскими хронистами не могут быть случайными, особенно с учетом «дружественных» отношений Руси и Польши во все времена.

Приведем еще сведения из другого древнего источника, из «Хроники земли прусской» Петра Дусбурга, так как в ней появляются первые упоминания о «литвинах» и достаточно подробно для нашего изложения приводятся сведения и о самих «пруссах», практически исчезнувших после насильственной «христианизации» и ожесточенных войн с германскими «культуртрегерами», рыцарями Тевтонского ордена. Хроника земли Прусской Петра из Дусбурга – «первый крупный документ в историографии Тевтонского ордена в Пруссии, был завершён в 1326 году, давал картину исторических событий XIII – первой четверти XIV века, их

осмысление с позиций крестоносца-завоевателя [9].

В 1230 году крестоносцы начали военные кампании против пруссов. К концу века, преодолев сопротивление пруссов и подавив ряд бунтов и мятежей, крестоносцы установили полный контроль над Пруссией. Объявленный папой римским крестовый поход в Пруссию (1218 год) положил начало полному истреблению прусского народа.

Но самое интересное в той «Хронике» – в части III, в главе 221, возвещающей, что:

«ОКОНЧЕНА ПРУССКАЯ ВОЙНА, НАЧИНАЕТСЯ ЛИТОВСКАЯ ВОЙНА».

Прусское княжество практически исчезло и появляется Великое Княжество Литовское.

Основателем Великого Княжества Литовского историки называют, именно, князя Миндовга, который начал «княжение» в Новогрудке и завоевал западные земли прилегающих княжеств. Таким образом установил на них, как ранее излагалось в советских публикациях, «власть литовских феодалов».

Однако нет ни одного документа, ни одной строчки в многочисленных летописях и «хрониках» подтверждающих этот надуманный тезис, ни один исторический документ не свидетельствует о том, что завоевание земель «Литвы белоруской» (моя терминология) шло из Жамойтии или Аукштайтии, Литвы в понимании и советских, и русских, и литовских

историков.

Великий князь литовский, Миндовг (1195 – 12 сентября 1263), впервые упоминается в договоре 1215 года между Галицкими князьями и «князьями Литвы, Дяволты и Жемайтии» среди других литовских князей в Галицко-Волынской летописи [10].

«Въ лето 6723 [1215].

Божшимъ повелениемъ прислаша князи Литовьскии к великой княгини Романове и Данилови и Василкови, мир дающе. Быху же имена литовьскихъ князей се: старейшей Живинъбудъ, Давъятъ, Довъспрункъ, брат его Мидогъ, братъ Довъяловъ Виликаилъ. А жемотьскыи князи: ерьдивилъ, Выкынтъ, а Рушьковичевъ – Кинтибутъ, Вонибут, Бутовитъ, Вижеикъ, и сынъ его Вишлий, Китений, Пликосова, а се Булевичи – Вишимут его же уби Миндого тъ, и жену его поялъ, и братью его побилъ, едивила, Спрудеика. А се князи из Дяволтвы: Юдьки, Пукеикъ, Бикши, Ликишкъ. Си же вси миръ даша князю Данилови и Василку, и бе земля покойна. Ляхом же не престающимъ пакостящимъ, и приведе на ня литву, и воеваша ляхы, и много убиства створиша в нихъ.

Въ лето 6724 [1216].

Не бысть ничто же» [10].

В трактовке тех событий польским историком Генриком Ловмянским, были, кроме указанных князей, названы еще и князья Нальшан и Упита, исчезнувших владений (или удельных княжеств?), образованных ранее. В том же договоре было сказано о принадлежности к «Нальше» и Ошмян, небольшом городке сохранившимся до наших дней в Беларуси (Гродненская область).

Итак, имя Миндовга выплывает из «исторического тумана» в разных «Хрониках» и летописях в самом начале XIII века. Весьма расплывчатые сведения имеются о его происхождении, о месте его рождения и об его отце. Тем не менее надо и эти отрывочные сведения привести для оценки самой яркой личности раннего средневековья, одинаково почитаемой и в Республике Беларусь и в Литовской Республике. Начну выпиской из «Бархатной книги» (1687 год), с главы 4, раздела – «Начало государей литовских» [11]:

«Въ лето 6637 (1129) прииде на Полоцкие Князи на Рогволодовичи Князь Великий Мстиславъ Володимировичъ Мономашъ и Полтескъ взялъ, а Рогволодовичи за бежали въ Царьградъ. Литва въ ту пору дань даяше Княземъ Полоцкимъ, а владома своими Гетманы, а города Литовские тогда, иже суть ныне за Кролемъ, обладаны Князьями Киевскими, иные Черниговскими, иные Смоленскими, иные Полоцкими, и оттоле Вильня приложися дань даяти Королю Угорскому за страхование Великаго Князя Мстислава Володимировича; и Вильняне

взяша себе изъ Царяграда Князя Полоцку Ростислава Рогволодовича Давила Князя, да брата его Молковца Князя; и той на Вильне первой Князь Давилъ, братъ Молковцевъ большой.

А ево Видъ, егожъ люди волкомъ звали; да Ердень Князь.

А Ерденевъ сынъ крестился, былъ Владыка во Твери, которой на Петра Чудотворца волнение учинилъ; звали его Андреемъ; писалъ на Чудотворца лживыя словеса.

А у Молковца Князя сынъ Миндовгъ» (!)

А у Миндовга Князя: Вышлегъ, да Домантъ».

Еще одна летопись («Пискаревский летописец») [6] подтверждает предыдущие сведения:

«В лето 6636 приде на Полотские Князья на Рогволодовичи Князь Великий Мстислав Володимирович Мономах Смоленский и Полотск взял, а Рогволодовичи забежаша в Царьград...

А у Князя Молковда сын князь Миндовг. А у Князя Миндовга: Князь Вышелг, да Князь Домонт...» (Предисловие Рода Великих князей Литовских, Списано от Летописца Святейшего Патриарха Гермогена. С.74, текст находится в ПСРЛ, том 34).

И чтобы закончить описание этой версии (условно называю ее «русской») происхождения рода Миндовга, добавлю еще одну строку:

«Ердень Князь, Давиловъ сынъ, сдумавъ съ своими советники, уби Князя Миндовга, Молковцова сына, сродника своего [6].

Беларуские историки рассматривают три народа (или народности), полностью исчезнувших к нашему времени. Вот и Великий князь Миндовг, по свидетельству разных хронистов, принадлежал к одному из них – к «пруссам». А два других, «бортяне» («борты») и «ятвяги», если и исчезли совсем, то оставили следы в топонимике, разговорной речи, в фольклоре литвин-беларусов. Как они попали на земли Литвы-Беларуси, куда и когда исчезли – вопрос остается открытым. Впрочем, имеются и прямые летописные указания о происхождении Миндовга из *«крещеных пруссов»* в «Великопольской хронике», где повествуется о приходе Миндовга со своим войском в Литву [8].

Надо признать, что есть и другие документы, так сказать «альтернативные» родословные князей, например, «Погодинский список», как вариант «Ипатьевской летописи» (около 1420 года), изученной и изданной академиком А. А. Шахматовым в 1871, 1908 и в 1915 году под его редакцией [7].

В «Погодинском списке» летописи есть и такие строки:

«У Вяликага князя Володимера Святославлича другой Изяслав, у Изяслава Брачислав, у Брачислава Всеслав, у Всеслава сын Борис, у Бориса сын Рогволод, у Рогволода

сын Ростислав, у Ростислава сын Давид, у Давида сын Вил, его же люди волком звали; у Вила сын Троян, у Трояна Виден, у Виденя сын Едиман» [7].

Как видно, здесь Миндовг вообще отсутствует, что не трудно объяснить, так как «Едиман», который, конечно, – Гедимин (1275—1341), ведет по «русской версии» свою родовую линию не от «Молковца» (вероятно, «Мовкольда»), а от его старшего брата «Давила» («*Давида Ростиславовича, рода Рогволодова*»). Латинскую, немецкую или белорусскую фонему в имени Гедиман (Гедимин) русский летописец выговорить не мог, а записать тем более («Н» в нем. языке или аналог в бел. яз. – «Г»), поэтому он их просто опускал.

С середины XIII века Полоцкое, как и Минское княжество, входит в состав Великого Княжества Литовского.

Следует заметить, что в летописях Минское, как и Слуцкое или Городеньское (Гродненское) княжества, в военных стычках с Литвой не замечены», значит либо они входили в союз княжеств добровольно, и чаще всего благодаря новым родственным отношениям, либо под общим названием Литва, особенно если учесть их географическую близость.

Если Новогрудок с самого начала явился центром образования ВКЛ, собирания соседних княжеств, то Слуцкое княжество долго являлось «яблоком раздора» киевских и галицко-волинских князей, прежде чем вошло в Великое Кня-

жество Литовское (ВКЛ). Однако ничего сверх того, что «с 1320 года оно входит в состав ВКЛ», русские историки сказать не могут. Княжество занимало территорию от Немана и Лани до Птичи и Припяти, и включало города Слуцк, Копыль, Петриков, Тимковичи, Уречье, Любань, Старые Дороги, Умговичи, Таль, Погост и др. То есть все, без исключения, города и земли сегодняшней Беларуси.

То же самое излагается в русских документах и о Городенском (Гродненском) княжестве, с добавлением того, что «после 1183 года известия о Городенском княжении пропадают из русских летописей, а во 2-й четверти XIII века его территория вошла в состав ВКЛ».

Думаю, что это произошло по такой же, отмеченной выше, причине. Родственные ментально, генетически и культурно-экономически литвинские (беларуские) княжества легко соединялись в одно целое, к тому же нарастала опасность на востоке, где московское княжество в союзе с Золотой Ордой захватывало все новые территории. На западе соседи Жамойты и Аукштайты решали свои задачи, отражая посягательства усиливающегося Тевтонского Ордена.

Новогрудок (Минская обл.),

акварель Наполеона Орды (1870) – «Бацькоўскі край» («Отчизна» в пер. с бел. языка),

На акварели Орды можно увидеть еще сохранившиеся остатки первой «столицы ВКЛ», города Новогрудка, руины замка Миндовга и гору Миндовга. По легенде Миндовг, первый и единственный «король» Великого Княжества Литовского был захоронен в этом месте.

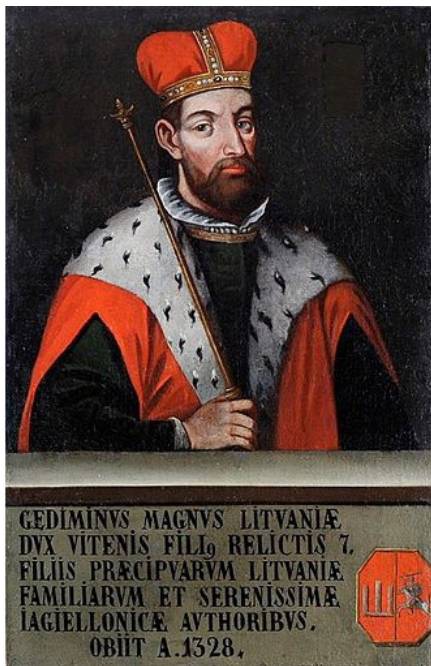
Если бы был хотя бы единственный летописный документ о «захвате» или «насильственном присоединении» этих земель к ВКЛ, российские историки не преминули бы этим воспользоваться, чтобы доказать обоснованность притязаний «Руси», в их понимании, на эти земли. Противосто-

яние ВКЛ и Московского княжества уже начиналось, нарастала борьба двух центров «собирания» славянских и литовских княжеств, и призванный на княжение в Новогрудок князь Миндовг, а затем его сын Войшелк (1223—1267) и племянник Тройната (княжение 1263—1264 г.г.) преуспели в собирании, веком раньше в консолидации прилегающих земель.

XIV – XV века

Если бы был хотя бы единственный летописный документ о «захвате» или «насильственном присоединении» земель, на которых расположена сегодня Беларусь, к Великому княжеству (ВКЛ), российские историки не преминули бы этим воспользоваться, чтобы доказать обоснованность притязаний «Руси», в их понимании, на эти земли. Противостояние ВКЛ и Московского княжества начиналось со дня его образования (XIII век), с каждым следующим столетием нарастала борьба двух центров «собирания» славянских и литовских княжеств, и призванный на княжение в Новогрудок князь Миндовг, а затем его сын Войшелк (1223—1267) и племянник Тройната (1263—1264) преуспели в собирании, в консолидации прилегающих земель.

Еще более значительная фигура в истории ВКЛ – Великий князь Гедимин.

Великий князь ГЕДИМИН (ок. 1275 – декабрь 1341)
воображаемый портрет из коденской галереи, 1709

ГЕДИМИН

С кончиной Великого князя Миндовга заканчивается история «Литвы Миндовга» и начинается история «Литвы Гедиминовичей», вырастает новое государство, которое я бы назвал «Литва беларуская», а еще правильнее – «Беларусь литовская», так уже привыкло ухо к чужеродному для нас слову «Беларусь». Ибо это государство растет и развивается на землях «Литвы беларуской» (мое определение, мне кажется более правильным нежели другие) на землях современной Республики Беларусь. И хотя Вильнюс, как называют свою столицу литовцы, действительно становится мононациональным за последние время (с 1945 года), мы помним, что там жили наши деды и прадеды. Будем и мы использовать термин «Литва», напоминая время от времени читателю, что скрыто за этим словом. И не исчезает из исторической памяти литвин-беларусов «Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтское (Жамойтское)», где вместо слова «Литовское» уместно было бы сегодня поставить «Беларуское», если бы до захвата земель Речи Посполитой Российской империей существовал этот термин, выдуманный во времена Екатерины II в угоду «Ея Величеству» российскими «специалистами» по всеобщей истории.

Процесс консолидации в XIII веке различных племен и княжеств, с условными границами «Литвы Миндовга»,

ограниченной древними городами вокруг Новогрудка (сегодня это все города Минской, Брестской и Гродненской областей Беларуси), вначале развивался без непосредственного участия родственных славянских племен, как, например, кривичей Полоцкого княжества. Перед Полоцком того времени стояла своя, тяжелейшая задача – отразить агрессию расширяющегося на восток тевтонского ордена. Крестоносцы продвигались все ближе к западным рубежам княжеств Литвы (Беларуси), к границам, где стояли крепости Лидского, Берестейского княжеств, Полоцких вассалов – Кукейнаса и Герцыке, где «княжила» полоцкая династия «Рогволодовичей». Великий князь Гедимин (1275—1341), осознавая степень опасности, исходящей от соседей, стал строить города-крепости, прежде всего на западных границах Великого княжества.

Замок-воин в городе Лида (1323 год, Гродненская обл. Беларусь)

Тем временем, общие военно-политические задачи заставили Полоцк искать союза с «Литвой», войти в состав ВКЛ. Это было естественным процессом, ввиду родственных и языковых связей кривичей Полоцка и кривичей Новогрудка, смешавшихся с мигрантами – западными славянами Прибалтики. В это время название населения «кривичи» уступает новому термину «литвины». Лишь в названии древнего городка Крево (Сморгоньский р-н, Беларусь) останется воспоминание о наших далеких предках. Впрочем, Крево пришлось сыграть, может быть, самую главную роль в историческом развитии, в судьбе Великого княжества. Здесь

в темнице кревского замка в 1382 году был задушен Великий князь Кестут, отсюда сбежал от тюремщиков его сын, князь Витовт, будущий герой и предводитель войск ВКЛ в Грюнвальдском сражении, здесь их палач, Великий князь Ягайло, подписал Унию с Польшей в 1386 году, круто повернув ход исторического развития ВКЛ (Кревская уния 1386 года).

Памятник 1000-летия Российской империи в Великом Новгороде
(фото автора)

Фрагмент памятника 1000-летия России с барельефом Великого князя Гедимина Великий Новгород

Надо отдать должное Великому князю Гедимину (1275—1341), с правления которого и началось фактическое возвышение и расширение границ ВКЛ. Что касается его происхождения, то историки до сих пор ведут бесконечные споры, тем более, что в летописях существуют весьма экзотические версии появления Гедимина на троне ВКЛ и его происхождения (например, от конюха князя Витеня). Однако, именно, князь Гедимин принял стратегически сильное решение о переносе в 1323 году столицы княжества из Новогрудка в Вильну, подальше от враждебной Волыни, от бесконечных войн с «братьями-славянами» – «русинами» Галицкого и Киевского княжеств. Именно, Гедимин провозгласил главный принцип внутренней политики, позволивший создать и на долгие годы сохранить Великое княжество. Эта его идея была сформулирована на языке того времени, на его языке,

и благополучно дожила в неизменной старобеларуской форме, практически не требующей перевода и на русский язык: «Мы старыны не рухаем. Новін не ввядім».

Этот его главный принцип внутренней политики позволил бескровно соединить в одном государстве сразу же несколько родственных, главным образом, по языку, княжеств, создать фактически федерацию, в которую вошли и православный Полоцк в 1307 году и наполовину католические Гродно и Брест (1315) и языческий ятвяжский Пинск (1336) и дреговичский Минск и кривичский Витебск (1320). Княжества сохраняли полностью свою автономию и форму управления. Гедимин продолжил политику князя Миндовга в отношении Галицко-Волынского княжества, которое целый век воевало с Новгородком (совр. Новогрудок в Минской области Беларуси). Миндовг в свое время выдал дочь за Шварну Даниловича Галицкого, а Гедимин женил своего младшего сына Любарта (в крещении Дмитрий) на волынской, «русинской» княжне, единственной дочери галицко-волынского «короля» Андрея Юрьевича (около 1320 года). Там, на современной Украине, до наших дней остался след княжения Любарта, городок Любар. Гедимину удалось мирно присоединить к Великому княжеству самое крупное и самое древнее, славянское княжество кривичей, прародителей литвинов-беларусов, Полоцкое княжество. Именно при нём произошло окончательное объединение остальных беларуских земель и присоединение Полоцкого княжества

и Витебского удела к «большой» Литве, что было отражено и в титуле князя словом – «Русь», в основном по религиозным соображениям («русская вера», как тогда говорили). Все последующие века, именно, Полоцкие земли, Витебщина и Смоленщина будут называться в Великом княжестве «Русью», в отличие от центральных областей ВКЛ с именем «Литва», а также «Москвы» и «Новгорода». Эти древние центры белорусской государственности вошли в Великое княжество на правах широкой автономии с сохранением своих давних культурных и политических традиций [12].

Даже российские историки, работающие ни имперскую идеологию царизма, отдали должное усилиям князя Гедиминына, его «собирательству» в одном государстве «единокровных» племен и княжеств. В трактовке московского историка XIX века А.Б.Лакиера этот факт обоснован следующим образом: «Во всяком случае, не подлежит сомнению, что владение князя Изяслава Владимировича – Полоцк слился с Литвою, в собственном смысле, заключавшеюся в пределах нынешней Виленской губернии. Постепенно княжество это росло, и сила Гедиминына была уже так велика, что он составлял на западе России противовесие московскому великому князю на Востоке, а так как области сего последнего были подвластны татарам, то русские смотрели на Гедиминына, как на чисто русского великого князя. Понятно, отчего сын Гедиминына Наримунт был призван княжить в Новгород, где, од-

нако, был недолго» [13].

Не удалось наладить добрососедские отношения Гедими-ну только с Жамойтией, строго говоря, именно, с «литовски-ми князьями», в современной трактовке историков Литов-ской республики. Земли жамойтов (жмуди), вошли в состав ВКЛ только в 1422 году, через 12 лет после Грюнвальдской битвы, и тогда же, чтобы подчеркнуть свое отличие от дру-гих народов Великого Княжества Литовского, в первую оче-редь, от славянской Литвы, жамойтские князья выхлопота-ли отдельное упоминание своего княжества в общегосудар-ственных документах, в ПЕРВЫХ европейских «конститу-циях», в «СТАТУТАХ ВКЛ» (1529, 1566, 1588 г.г.). Напри-мер, в Статуте 1588 года, в Разделе III («артыкулы» 6 и 7) отдельно упомянута «земля Жамойцкая», от которой выде-лялись из казны «командировочные» для поездки «дэпута-та» на Вальный Сейм (средневековый парламент) в разме-ре «200 коп грошаў». («Литовская копа» составляла 60 гро-шей).

Оставаясь до конца своих дней язычником, Гедимин, тем не менее, крестил своих сыновей в силу политической необ-ходимости в ту или иную веру. Сын Гедимины, Глеб-Нари-мунт, принял православие еще при жизни отца. Из семи сы-новей Гедимины пятеро стали христианами, а все его доче-ри были выданы замуж за христианских мужей. Язычество, как культуuroобразующий институт молодого государства ис-

чезало, впрочем, и государством в общепринятом понимании, языческие конгломераты на земле Литвы назвать нельзя. Древняя вера предков долго сохранялась в быту, особенно у сельского населения. В беларуском Полесье, в Пинской и в Минской областях язычество дожило до XX века. Я думаю, что в семье Гедимины, независимо от его происхождения, говорили на древнем, общеславянском языке, как назвать этот язык, старославянским или старобеларуским – не имеет значения. Мать Любарта, кривичская княжна Ольга, была дочерью князя Всеволода Смоленского. Став христианином по православному обряду, сын Гедимины Любарт, как сообщает «Хроника литовская и жмойтская», «по смерти Володимера взял княжество Володимерское всё, Луцкое и Волынское», то есть принял под свою власть все Галицко-Волынское княжество в 1340 году [14].

Прекрасный дипломат, политический гений средневековья, Гедимин наладил и отношения с воинственной Польшей и вместе с ней стал вести борьбу с крестоносцами, с Ливонским орденом. В 1322 году Великий князь заключил союз с князем Мазовии, которая тогда еще не входила в состав Польши, а в 1325 году и с королём Польши, Владиславом I-м, «Локотком». Выдав свою дочь Альбину за Казимира, сына короля Владислава I, Гедимин положил начало сближению и, в конечном счете, соединению ВКЛ с Польшей по «Кревской унии». Понимая общеевропейское значение и мощь Ватика-

на, Великий князь стал налаживать отношения и с Римским папой Иоанном XXII, и в 1322 году направил ему «Послание» следующего содержания (отрывки в переводе), оправдывая свои походы и войны с католическим тевтонским орденом:

«Святой и досточтимый отец, мы с христианами вели борьбу не для того, чтобы уничтожить католическую веру, но чтобы противостоять несправедливостям, как поступают короли и Князья христианские; это очевидно, поскольку у нас [живут] братья Ордена миноритов и Ордена проповедников, которым мы дали полную свободу крещения, проповеди и отправления прочих священных обрядов...» [15].

Со времени упоминания Витебска в «Повести временных лет», эти древние земли кривичей, прародителей современных беларусов, входили с 1021 года во владения полоцкого князя Брячислава Изяславича. После смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича в 1101 году Витебск стал центром Витебского княжества (удел Полоцкого княжества). В середине XII века Витебском правили полоцкие князья Васильковичи, а в 1160—70 гг. – смоленский князь Давид Ростиславович. С 1180 года Витебским князем был Брячислав Василькович, на дочери которого был женат князь Александр Невский. На Замковой горе находилась резиденция князя, а в посадах жили торговцы и ремесленники. По-

следним удельным князем был Ярослав Васильевич, который в 1318 году выдал свою дочь за Ольгерда, сына великого князя литовского Гедимина. С этого времени Витебск входит в состав Великого княжества Литовского, а затем, до 1772 г. в федеративное государство Реч Посполиту (*Rzecz Pospolita*).

Прочно обосновавшись в Вильно, отстраивая город, князь приглашал в Литву рыцарей, ремесленников, купцов, земледельцев, священников из Европы. Государство ВКЛ, соединившее многие племена и княжества, становилось основой для дальнейшего развития этноса «литвинов». Неоцененный до сих пор вклад в развитие городской культуры, цивилизованного быта, ремесел и городского самоуправления, оказал новой столице древний Полоцк, культурный центр славянства того времени, вошедший в состав ВКЛ в 1307 году. Новый, «литвинский» этнос вступал в свой «золотой век» [16]

ОЛЬГЕРД

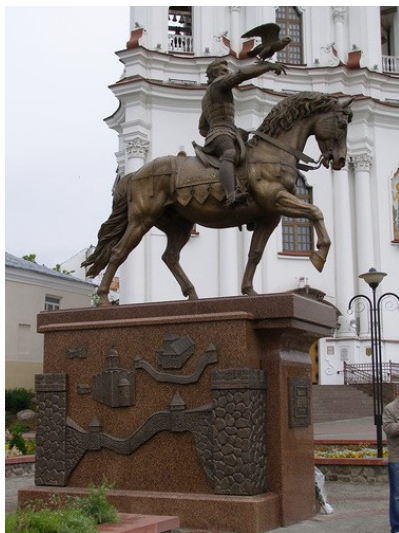
После смерти Гедимины (1345) в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) устанавливается совместное правление двух его сыновей – Ольгерда и Кейстута. Во владении Кейстута находилась Жемайтия, в основном с сельским населением, и Литва, включившая Городенское, Изяславское, Друцкое, Логойское, Стрежевское, Лукомское, Брячиславское вотчины. Кроме того, в его владения входила и понеманская Черная Русь (современное белорусское Полесье), которая охватывала верхнее течение Немана с городами и селеньями: Городень (Гродно), Новогородком, Слонимом, Волковскийском, Несвижем, Здитовом. В составе его владений были еще Пинское и, вероятно, Туровское княжества. По разным источникам, это были также места оседлого проживания легендарных ятвягов. Под Ольгердом оставались остальные земли древней Руси (Беларуси и сев. зап. Украины). При Ольгерде Гедиминовиче (1345—1377) произошло присоединение к Великому княжеству Чернигово-Сиверщины и Приднепровья.

Русский историк Николай Костомаров писал: «Литва – это стало собственностью белорусского края и белорусского народа». В 15 столетии на территории теперешней России выделялись четыре области восточнославянского мира: Новгород, Московия, Литва и Русь. В 16—17 вв., когда Новго-

род был стерт – Московия, Литва и Русь».

«Великий князь литовский Ольгерд (белар. Альгерд, лит. Algirdas) (около 1296 – 24 мая 1377) – сын Гедимина, брат Кейстута, в период своего правления с 1345 по 1377 годы значительно расширивший границы Великого Княжества Литовского».

Так скупо сказано в справочниках.

Памятник Великому князю Ольгерду

Витебск (Беларусь) Автор памятника, скульптор Сергей Бондаренко

Сын полоцкой княжны Ольги и Великого князя литовского Гедимина, кревский (полоцкий) и витебский князь Ольгерд (1296—1377), был Великим князем литовским с 1345-го по 1377 год и значительно увеличил территорию княжества. Историки продолжают спор о женах Гедимина, Ольгерда и, вообще, о женах князей ВКЛ. Великий князь Ольгерд (Альгерд, бел. яз.) взял в жёны близкую по крови, по языку, по общим культурным ценностям, или, как сегодня любят изъясняться, по менталитету, княжну Марию Ярославну (1317 год), дочь Витебского князя Ярослава Васильевича.

Эти жены уже не были «наложницами», как жены Киевских князей, а были равноправными участниками в управлении княжеством. За ними стояла трехсотлетняя история и культура, образование и письменность, общий исторический опыт со времен легендарной полоцкой княжны Рогнеды (960—1000), просветительницы Ефросинии Полоцкой (1101—1173) или княжны Марии Васильковной (ок. 1127-?), предполагаемого автора «Слова о полку Игореве». Они усвоили уроки их предшественниц, и политический урок «Полоцкого матриархата».

После смерти Гедимина (1345 год) князь Ольгерд переехал из Витебска в Вильно, в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) устанавливается совместное правление двух его сыновей – Ольгерда и Кейстута. Во владении Кейстута находилась Жемайтия, в основном с сельским населением,

и Литва, включившая Городенское, Изяславское, Друцкое, Логойское, Стрежевское, Лукомское, Брячиславское вотчины. Кроме того, в его владения входила и понеманская Черная Русь (современное беларуское Полесье), которая охватывала верхнее течение Немана с городами и селеньями: Городень (Гродно), Новогородком, Слонимом, Волковскийском, Несвижем, Здитовом. В составе его владений были еще Пинское и, вероятно, Туровское княжества. По разным источникам, это были также места оседлого проживания легендарных ятвягов. Под Ольгердом оставались остальные земли древней Руси (Беларуси и сев. зап. Украины). При Ольгерде Гедиминовиче (1345—1377) произошло присоединение к Великому княжеству Чернигово-Сиверщины и Приднепровья [16].

В 1125 году умер Великий князь киевский Владимир Мономах, и началась феодальная усобица полоцких князей с киевскими, длившаяся до 1129 года. Она закончилась тем, что «отец Мстиславен» расправился с полоцкими князьями, лишив их престолов, имущества, пленив и «поточи» (сослав) их «в Греки», в Царьград. Полоцкое княжество оказалось без верховного правителя. На политическую арену вступили княгини, взявшие на довольно продолжительный срок верховное правление в свои руки. Период 30-50-х годов XII в. в истории Полоцкого княжества академик В. Л. Янин назвал «полоцким матриархатом».

В Беларуской летописи, в «Хронике Литовской и Жмойтской» [17], в разделе *«Великий князь Димитрий выповедуе Литве войну»*, сообщается, что князь в 1375 году (возможно, ошибка летописца в дате) *«умыслил под Литвою Киевское, Витебское и Полоцкое князство войною доходити»*. Князь Дмитрий послал Ольгерду послов *«з голым мечем и огнем, обещаючи его в Вилню на велик день привитати з красным яйцем, а Литву всю огнем и мечем зоевати и оказати силу и потужность свою»*. («Велик день» – Пасха, бел. яз. прим. автора). Великий князь Ольгерд послов оставил у себя, но зарвавшегося молодого князя, его хвастовства (*«зухвалства»* в тексте на бел. яз.) не оставил без внимания и решил проучить наглеца. Ведь именно Ольгерд был «Великим князем Литовским и Руским», а Дмитрий Московский владел заурядным княжеством, размером с какое-нибудь удельное княжество Литвы. Так что скоро князю Дмитрию пришлось вести *«розмову»* (переговоры) *«о примире, поступаючи наклады военнии нагородити зараз и войску всему литовскому плату з своей казны дати, и заховане статечного покою раз подтверженого и границ з Литвою так, як бы слушине (то есть, правильно – бел. яз.) мело быти, и на которых сам Олгерд з рицтерством своим перестанет»*.

После долгих переговоров согласился Ольгерд *«до еднаня и примиря, еднак же под кондициами, абы ему волно было*

з частю рицества литовского и панами переднейшими до замку Московского збройно въехавши копию о стену замковую скрушити, а для безпечности постановленого примирья границ литовских з Москвою по Угру реку, абы сам князь Димитрий з митрополитом и з боярами своими присягою потвердил, выправу военную ему и войску его литовскому заплатил, що все великий князь московский исполнити обецал...».

Ольгерд же «без жадной («никакой» – польск. яз.) войны, в [ъ] ехал в замок Московский доброволне отвореный, там же в церкви Димитрия князя привитал, и, отдаючи ему красное великодное яйце (пасхальное яйцо, ААП), мовил: «Видиши, княже Димитрий, хто з нас раней на войну встал». А отдавши яйце, копие свое скрушил о браму, абы Москва памятала («помнила» – бел. яз.), же литва з Олгердом была в Москве и копие свое Олгерд крушил о браму («ворота» – бел. и польск. языки) [17].

Это было сделано тоже весьма театрально – «копье литовское», вонзённое в деревянные ворота Кремля, должно было напоминать, «кто в доме хозяин». Именно тогда была установлена окончательно восточная граница Великого княжества — «з Москвою з одной стороны по Можайско, а з другой стороны по Угру, реку глубокую и болотную, которая почалася недалеко Дорогобужа в лесе за Смоленском миль 18, межи Калугою и Воротином, впадает в ре-

ку Оку» [17].

И вернулся домой Великий князь *«Ольгерд, пожегнавши-ся („попрощавшись“– польск. яз.) з князем Димитрием, ишол з войском своим назадъ, веселячися з так славного звитязства без розляня крови. А пришедши до Витебска роспустил войско свое ку домови, ударовавши всех»* [17].

Вот так всё и произошло – бескровно, *«без розляня крови»*, потому и *«веселились»*. Но странности с походами Ольгерда на Москву на этом не кончаются. Осенью 1370 года московский князь Дмитрий вновь напал на Тверь, очень уж она ему досаждала своей независимостью, и он опустошил много городов и волостей. Опять тверянин, князь Михаил, обратился к Ольгерду, и тот опять пришёл в Москву, да ещё и со всем семейством: сыновьями и братьями, а также привёл смоленского князя Святослава с войском. И опять князь Дмитрий закрылся в Кремле, и опять «оккупанты» потоптались возле твердыни, да и начали переговоры. Дмитрий прислал боярина с предложением мира, и Ольгерд *«сжалился»* над московским правителем, *«любовь свою над ним учинил, из Москвы его не добывал и мир с ним взял»*, – так сообщает летописец.

Соглашение подкрепили династическим браком: брат Дмитрия женился на дочери Ольгерда Елене. Последний поход Великого литовского князя Ольгерда на Москву *«со всеми чадами и домочадцами»* напоминал скорее торжественную процессию сватов с последующим венчанием, нежели

военное предприятие [18].

Итоги правления Ольгерда Великим княжеством следующие. Великим князем Ольгердом было создано самое большое в Европе XIV века государство, за влияние над которым стали бороться иерархи разделившегося христианства – католического и православного толка. Великое Княжество Литовское, воины которого «...*омыли копыта своих коней*» в Чёрном море, простиралось с севера на юг на две тысячи верст. Южная граница ВКЛ проходила по берегу Черного моря от устья Днепра до устья Днестра.

младшему и любимому сыну от второй жены, тверской княжны Юлианы.

К XIV веку христианство православного («греческого») толка распространилось в княжестве, но большая часть жителей Литвы оставались язычниками. Обращение в христианство населения на этих землях носило скорее просветительский характер, и не было насильственным, но в первое время были исключения. Сельская часть населения непоколебимо придерживалось древней, языческой веры. Об этом свидетельствует печальный факт мученической смерти в середине XIV века трех литвин, славянских слуг князя, принявших Православие: Нежилы, Крумца и Круглеца («Виленские мученики», литвины, беларусы в сегодняшнем рассмотрении, в летописи – «Кроуглецъ, Коумець, Нежило родомъ Литвы...»). Их предали казни по настоянию языческих жрецов во времена княжения Ольгерда (1347). Православная Церковь причислила этих безвинных мучеников к лику святых, дав им имена Антоний, Иоанн и Евстафий. На месте их кончины (в Вильно) была заложена и освящена церковь Святой Троицы, рядом с которой несколько позднее возник одноименный монастырь.

«Все сыновья князя Ольгерда были крещены в православие, многие из них явились основателями и покровителями православных храмов в княжестве. Андрей Ольгердович, князь Полоцкий, дал жалованную грамоту Полоцкому Тро-

ицкому монастырю и основал Никольскую церковь в полоцком замке, а его сын Михаил Андреевич там же основал Петровский монастырь. Другой сын Ольгерда – Лугвений Семенов, князь Мстиславский, построил близь города Мстислава Онуфривский монастырь»

«Среди литовцев потомки Ольгерда решительнее других обращались к Православию. Положение изменялось только со вступлением на польский трон Ягайлы, сына Ольгерда» [19].

ЯГАЙЛО

С Ягайло началась историческая драма взлетов и падения семьи Ольгердовичей, а с ним и Великого княжества, религиозное и семейное противостояние, длительная история интриг и шарахания между татарской Ордой, Московским княжеством, Польшей и немецким Орденом. В трагической истории борьбы за престол Великого княжества, за столичный град Вильно, только бесстрашный и могучий воин, Великий князь Кестут, выглядит последовательным и положительным героем, благородным и честным, может, излишне прямолинейным политиком, но до конца верным своему слову, данному старшему брату, сражаться за отчизну. Не таким, к сожалению, оказался его племянник. Приведу характеристику князя Ягайло, которую ему дает историк и литератор Лев Гунин:

«Трудно назвать другого человека со множеством выдающихся качеств, которые были бы направлены исключительно на исправление своих собственных промахов, пороков, преступлений и предательств. Любой его положительный поступок тут же сводился на нет отрицательным, а отрицательный завершался положительным. Столько бедствий, сколько он причинил литвинам (беларусам) и литовцам, полякам, малороссам, жителям восточных русских княжеств, пруссам, жмудинам и немцам, вряд ли причинил самый непримири-

мый из врагов. Все они в тот или иной период считали его „своим“, но для таких, как Ягайло, нет „своих“, и даже близких родственников он не считал вполне „своими“» [60].

Внутренняя слабость и моральная неустойчивость, а еще испуг, долго не оставлявший его, когда он оказался в плену своего дяди Кестута, где мог и погибнуть, привели Ягайло к решению покинуть Литву и заключить союз с Польшей. Он долго метался между ханами Орды и немецким Орденом. Сыграло, видимо, свою роль и повышенное честолюбие – он становился после предполагаемого брака с Ядвигой королем Польши, а после Кревской унии формальным властелином государства «от моря и до моря». Оправдаться перед братом Витовтом за убийство его отца и матери он, конечно, не мог, но «откупался», отдавая ему во владение Литву, сделав его своим наместником. Он, оставаясь язычником, охотно принимал веру «по обстановке», то православную, то католическую, что, к слову, практиковалось всеми князьями Литвы. Воевать, все-таки, князь Ягайло умел и не только оборонялся, но расширил пределы княжества на запад, на земли Польши, «*na Mazowszu y na Lachy*», земли «ляшские» и Мазовецкие, как написано в «Хронике Быховца» [19].

В 1385 году Ягайло совершил очередной, победоносный поход в Польшу, после которого установил западные границы ВКЛ с Польшей (с «*Ляху по Белой Воде*», то есть по реке Висле“ („*wczynił Jagoyło hranicu z Lachy po Biełuiiu Wodu, to iest po reku Wistū*) [19].

Польша становилась «почти дружеской» для ВКЛ, однако на западе оставалась давняя угроза со стороны Тевтонского Ордена, что подтолкнуло Великого князя искать более прочного союза с соседом и принять свадебное предложение, переданное послами из Кракова.

14 августа 1385 года, в замке Крево (сегодня это деревушка около города Сморгонь в Гродненской области Беларуси, в то время Кревское княжество было вотчиной Ягайло), между Польшей и Великим Княжеством Литовским была заключена, так называемая «личная», династическая Уния. Это соглашение предусматривало брак польской королевы Ядвиги и князя Ягайло, коронацию Ягайло королём Польши, крещение Ягайло и его согласие крестить все население Великого княжества в католическую веру.

12 февраля 1386 года Великий князь литовский Ягайло прибыл в столицу Польши Краков, с многочисленной свитой. Взял князь с собой на венчание и коронацию, согласно «Хронике Быховца» (привожу в оригинале):

"...stryiecznaho brata swoieho welikoho kniazia Witolta y rożonoho brata swoieho kniazia Skirgayła, y kniazia Iwana Olgimontowicza Holszanskoho, y brataniczow swoich dwóch, kniazia Iwana Wołodymirowicza Belskoho y brata ieho kniazia Andreja Wołodymirowicza Mohilewskoho, y z inszymi mnohimi kniazi y pany litowskimi» [19].

И в переводе со старобеларуского» (Хроника Быховца» была написана латинскими литерами) – «двоюродного брата своего Великого князя Витольта (то есть, Витовта, прим. автора) и родного брата своего князя Скиргайла, и князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского, и родственников своих двух, князя Ивана Владимировича Могилевского, и с другими многими князьями и господами литовскими».

18 февраля 1386 года состоялось венчание молодого Ягайло, ставшего по крещению Владиславом, с тринадцатилетней королевной Польши Ядвигой (по некоторым сведениям – королевой).

В летописи уточняется, что *«Того жь дня по крещению и по принятию сакраменту святаго Ягейло вступил в стан малженский (супружеский) з Ядвигою королевною и были коронованы обое арцибискупом гненженским и бискупом краковским Боболею»* [19].

ВЛАДИСЛАВ II ЯГАЙЛО – (1362—1434) Кревский и Витебский князь, Великий князь Литовский (1377—1392), Король Польский (с 1386 года), основатель династии польских королей – Ягеллонов.

Ягайло стал королем громадного государства, пока формально, но начало действительного объединения народов уже было положено. В это время «федеративное государство» Реч Посполита занимало территорию, по приблизительным оценкам, около одного миллиона квадратных километров, с численностью населения близкого к 7 миллионам.

Предки современных белорусов (литвины, полочане и др.) составляли в этом конгломерате народов от 30 до 40% всего населения, что соответствовало, примерно, 3 млн. жителей. Предки современных литовцев, судя по площади занимаемой ими, составляли около 10% населения. Соотношение белорусов (литвин) и литовцев (жамойтов и аукштайтов вместе) – «три к одному» сохранялось более шестисот лет, и соответствует численности населения, практически, до сегодняшнего дня, несмотря на передачу Литовской Республике Виленского края с преимущественно славянским населением и с городом Вильно (1939 год) и Смоленской области – России (1919 год).

(Для справки – население Московского государства-княжества, даже через 100 лет, в 1480 году составляло чуть более двух миллионов человек (2,1 млн), на площади около 100 000 кв. км. [20].

Карта из курса русской истории Ключевского (лекция 21)

Кестут, князь жмудский и трокский, не оспаривал завещание и права своего брата, и по его смерти (1377) признал за Ягайло, своим племянником, все права на княжение в Вильне, на звание Великим князем. Он стал и опорой для юного Ягайлы на время его возмужания. Продолжая согласованную ранее с Ольгердом политику защиты западных границ ВКЛ от Тевтонского и Ливонского орденов, он мужественно отражал все нашествия немецких рыцарей, а этих нападений на ВКЛ только в XIV веке историки насчитывают до сотни.

Князь Кестут продолжил и восточную политику Ольгерда, подкрепленную династическими браками сыновей и дочерей Ольгерда с русскими князьями, союзниками ВКЛ, с Тверским, Смоленским и Московским княжествами, с Киевским княжеством, куда он посадил на престол своего сына, князя Владимира в 1362 году. И у него, и у Ольгерда прослеживается стратегическая цель собирания славянских княжеств в одно монолитное государство для сдерживания опасных соседей, немецких магистров рыцарских орденов и ханов татарской Орды. Ольгерд властвовал и над Берестейской землей, привлек к своему союзу Новгород и Псков, Переяслав-Рязанский и Мстиславль, где попеременно княжили его сыновья или куда он отдавал в жены своих дочерей.

Согласованная политика двух братьев, двух Гедиминови-

чей, Ольгерда и Кестута, дала великолепный положительный, политический результат. Не повторилось, к сожалению, это родственное согласие с появлением в истории ВКЛ князя Ягайло (1362—1434).

Не удалось многоопытному Кестуту наладить хорошие отношения с подрастающим племянником, который поначалу вообще склонился на сторону крымского «беклярбека» Мамая, фактического правителя «Белой Орды», чья территория простиралась от Крыма до Волги. Метания Ягайло, заговор против Кестута, договор с Тевтонским орденом за спиной родного дяди, стоили Ягайло престола ВКЛ. Князь Кестут вошел с войском в Вильно, пленил Ягайло и взял правление княжеством в свои руки в 1381 году. Но история, в конце концов, рассудила не в его пользу. Ягайло, которого без всяких предварительных условий освободил из плена Великий князь Кестут, и вернул ему наследованные от отца Витебское и Кревское княжества, совершил тяжкое преступление против своей родни. Надо признать, что сторонников у князя Ягайло было предостаточно и, в первую очередь, против Кестута выступили родные (или сводные) братья молодого князя. Первым встал на защиту интересов брата князь Новгород-Северский Корибут (1355—1404, в православном крещении Дмитрий). Потом горожане Вильно, сочувствующие Ягайло, истребили всю дружину Кестута, и Ягайло вернулся из Витебска, поддержанный крестоносцами. Предательский, после мирных переговоров с дядей, князем Кестутом,

обманом, Ягайло заманил его и всю его семью и заключил их в Кревском замке. Там, по легенде, князь Кестут был задушен (15 августа 1382 года), его супруга Бирута утоплена, а брату, молодому князю Витовту, удалось бежать из замка в женском платье.

Автор «Слуцкой летописи» отмечает: *«Князя великаго Кестутия удавили коморники (,тюремщики“ прим. автора) князя великаго Якайловы: Прокша, што воду давал ему, а были инши, Мостевъ братъ а Кучюк а Лисица Жебентяи, И таковъ конецъ стался ему, князю великому Кестутию»* [21].

Двоюродный брат Ягайло, Витовт бежал к своему зятю, князю мазовецкому, а оттуда перебрался к Великому магистру Тевтонского ордена, где стал склонять орденских правителей к походу на Литву. В союзе с немецкими рыцарями Витовт начал борьбу против Ягайло, закончившуюся рядом поражений Ягайло и его отказом от Жамойтии, в пользу Ордена. Эта сделка была закреплена Дубисским договором (1382), подписанным Великим литовским князем Ягайло, его братом, Полоцким князем Скиргайло (в крещении Иван, «dux Russiae-князь русский») и маршалом Тевтонского ордена Конрадом фон Валленродом, будущим Великим, 24-м Магистром Ордена. По этому договору Ягайло обязался, к тому же, принять в течение четырёх лет католическую веру, но к этому времени православие стало доминировать во всей Литве, и оставалось главной религией среди боль-

шинства населения ВКЛ. Так, еще до вхождения в ВКЛ, в Полоцком и Туровском княжествах в XI-XII веках христианство «греческого» обряда окончательно утвердилось, были образованы две епархии, построены десятки православных храмов, широкое распространение получили различные искусства, связанные с церковной жизнью, появились свои первые святые, замечательные по оставленной ими в истории памяти: Кирилл Туровский, Св. Ефросинья Полоцкая и др.

С Ягайло началась историческая драма взлетов и падения семьи Ольгердовичей, а с ним и Великого княжества, религиозное и семейное противостояние, длительная история интриг и шарахания между татарской Ордой, Московским княжеством, Польшей и немецким Орденом. В трагической истории борьбы за престол Великого княжества, за столичный град Вильно, только бесстрашный и могучий воин, Великий князь Кестут, выглядит последовательным и положительным героем, благородным и честным, может, излишне прямолинейным политиком, но до конца верным своему слову, данному старшему брату, сражаться за отчизну. Не таким, к сожалению, оказался его племянник [60].

4 августа 1392 года на встрече в Острове под Лидой (Беларусь) два брата – Витовт и Ягелло, подписали соглашение, по которому власть в Великом Княжестве пожизненно передавалась Витовту. Получил он и отцовскую вотчину с Гарод-

ней (Гродно), Троками и Луцком. Ягайло, к этому времени уже король Польши, отрекся от непосредственного владения своими уделами в Великом княжестве. Присягнув на верность Ягайле, Витовт стал во главе государства ВКЛ. Так был положен конец многолетней гражданской войне между ближайшими родственниками.

Особую роль в становлении ВКЛ в это время сыграл древний Новогрудок. Даже после того, как Гедимин основал Вильню, сделав ее в XIV веке столицей княжества, Новогрудок продолжал сохранять статус одного из главных центров политической, религиозной и общественной жизни. Именно здесь в XIV – XV веках находилась резиденция православного митрополита ВКЛ. Жители богатого города сражались с татаро-монголами, крестоносцами. В Грюнвальдской битве участвовало 500 новогрудских рыцарей. Поэтому не удивительно, что именно в Новогрудке, следуя давним традициям, в 1422 году, в «фарном костеле» венчался престарелый князь литовский и король Польши Ягайло с 17-летней литвинкой, княжной Софьей Гольшанской [21].

Начиналась новая глава в истории ВКЛ, которая, на мой взгляд, лучше представлена в «Литовско-беларуских летописях» (ПСРЛ, тома 32 и 35), особенно если учесть, что они почти все были написаны в Беларуси (Литве), написаны литвинами-беларусами, свидетелями, а иногда и участниками событий того времени. Написаны на старобеларуском язы-

ке и вызывают большее доверие, нежели польские источники или «Русские летописи», наполненные «патриотическими» описаниями «подвигов» своих князей. А как переписывается история, например, российскими «специалистами» со времен Карамзина, хорошо известно. Так что обратимся к древним белорусским рукописям, а их великое множество – это и «Хроника литовская и жамойтская», и «Слущкая летопись» и «Виленская летопись» и «Летопись Панцырного и Аверки» и многие другие. (Желающие могут «полистать» тома XXXII и XXXV Полного Собрания Русских Летописей (ПСРЛ) в электронном виде, старобеларуский язык близок и, в основном, должен быть понятен русскому читателю). Иногда понадобятся прочесть и латинские тексты, тексты различных документов Великих князей Литвы, но они уже переведены на русский язык. Князей латыни учили, просто так они свои подписи под грамотами не ставили.

ВИТОВТ

С Кревской Унии начался «религиозный передел» населения Великого княжества. Ягайло-Владислав, под давлением польского епископата, стал последовательно проводить политику окатоличивания населения, пользуясь самыми различными средствами, началось крещение «язычников». «Каждому, кто крестился, Ягайло приказал выдать белый суконный кафтан и пару красной обуви. Иные крестились дважды, а то и трижды, чтобы получить этот подарок. Предполагается, что за короткое время 30 тысяч человек были таким образом обращены в христианскую веру. Когда в 1387 году Ягайло стал насильственно обращать Литву в католичество, выяснилось, что более половины жителей Вильно исповедовали православие» [18].

У Яна Длугоша в «Истории Польши» это отмечено следующими строками: «При этом щедротами благочестивого короля Владислава каждому из простых людей были розданы новые одежды – рубашки и штаны из привезенного из Польши сукна» [22].

Уния ВКЛ с Польшей 1386 года открыла дополнительный выход ВКЛ к Балтике, доступ к его морским портам (Колобжег, Кошалин), к крупным европейским торговым центрам, что позволило завязать торговые отношения свободным, «вольным» городам Литвы-Беларуси, с западноевро-

пейскими центрами мировой торговли. Такими развитыми, в торгово-экономическом смысле, были многочисленные города ВКЛ, получившие магдебургское право в XIV – XV веках: Вильно (1387), Брест (1390), Гродно (1391), Слуцк (1441), Высокое (1494), Полоцк (1498), Минск (1499) и многие другие.

Итак, в XV веке было образовано сложное государственное образование по европейской модели «Священной Римской империи германской нации» – Речь Посполита, «Rzeczpospolita» («Общее дело» народов), по сути конфедеративное государство с двумя центрами власти. В Вильно «наместником» короля стал, в конце концов, князь Витовт, в Кракове взошел на престол его брат Ягайло, крещеный по римско-католическому обряду под именем Владислав – король Владислав II, родоначальник польской королевской династии «Ягеллонов». Великое Княжество Литовское вошло в союз с Польшей со всей полнотой автономии, со своей православной и языческой верой, со своей письменностью (старобеларуской), со своими «боярами» и «тиунами», со всеми атрибутами власти на разных уровнях. Но первые попытки унификации, по крайней мере, делопроизводства, были сразу же сделаны польской стороной. Так по статье Кревской Унии предполагалось вскоре перевести письменность Литвы на латинский алфавит. Первая попытка выполнить Кревское соглашение не удалась, все документы

ВКЛ продолжали издаваться великокняжеской канцелярией на старобеларуском языке и кириллицей (до начала XIX века), но «Хроника Быховца», хотя и на старобеларуском языке, была написана все же «латиницей». Обращаю внимание читателей, что эта «Хроника» создавалась в начале XVI века, и в ней границы «Руси» не захватывают «словенский» Новгород или «кривичские» Псков и Рязань, а к «Литве» автор относит земли ВКЛ в границах современной Беларуси, и отделяет Жемайтию, а также Подолию и Волынь, которые всеми летописями относятся к «русским землям».

Великий князь ВИТОВТ (4 августа 1392 – 27 октября 1430)

Портрет Великого князя Витовта из августинского монастыря города Брест (Беларусь, автор неизв., XVII век)

Вначале с титулом «князь литовский», а затем – «Великий князь литовский и пан и дедич русский» и «Великий князь Литвы и Руси» Витовт стал единственным правителем Великого княжества, хотя номинально сохранялся верховный суверенитет Ягайлы над землями ВКЛ.

Согласованная Кревской унией, на первых порах, единая политика братьев дала трещину сразу же после того, как Ягайло, уже в роли короля Владислава II, сделал своим наместником в ВКЛ родного брата Скиргайло. Витовт (двуродный брат) не мог согласиться с этим, потеряв свои наследственные княжества (Крево и Витебск), и при поддержке рыцарей Тевтонского ордена. В этот конфликт, были вовлечены и другие ближайшие родственники Гедиминовичей, ближние и дальние – Великий князь Святослав Смоленский, князя Юрий Наримунтович Бельский и Иван Ольгимонтович, и многие другие.

«И в ту же зиму, когда король Ягайло находился с многими литовскими панами в Кракове, князь Андрей Полоцкий, придя с немцами из Ливонии и со всеми латышами в землю Литовскую, повоевал и сжег много городов и сел, замкам же литовским ничего не сделал и затем возвратились восвояси» [21].

События в семейном споре за наследство отцов разворачивались быстро. «В ту же зиму князь Святослав Смоленский вступил в соглашение с князем Андреем Полоцким.

Он пошел в Литву, а князь Святослав к Орше, и много зла причинили христианам, поступая не по-человечески и не по-христиански...» [21].

Пожгли князья и Оршу, и Мстиславль, «били города пороками» (стенобитными орудиями), «И опечалился князь великий Скиргайло, и пошел со своею братиею, великим князем Витовтом и с Константином, и с Корибутом, и с Лингвением, помянув слово Божие, которое гласит: «В ню же меру мерите, и отмерится им» [19]. Объединенное войско под командованием князя Скиргайло, разгромило полки князя Святослава, убили и самого князя Святослава, «сына же его князя Юрия князь великий Скиргайло вылечил от ран и привел его к городу Смоленску, к матери его великой княгине жене Святотослава; и посадил его на великом княжении Смоленском, потому что женой князя Юрия была дочь старшей сестры Скиргайла. И отойдя от города Смоленска, князь великий Скиргайло пошел в свою землю Литовскую и начал княжить в Троках, а в Вильно король Ягайло прислал своего польского старосту» [21].

Как видно Ягайло не особенно доверял даже своему родному брату. Князь Андрей Ольгердович (Полоцкий) бежал в Москву. Полоцкий престол попытался занять князь Скиргайло, но потерпел неудачу, так как православные полочане не приняли князя, окрещенного только что в Кракове в католичество, и прогнали его, усадив «на плешивой кобыле»,

как было написано в летописи. Скиргайло вернулся в Вильно. Борьбу за земли ВКЛ продолжил беглец в немецкие земли, князь Витовт, передавший (можно сказать и предавший) Жемайтию правителям Ордена крестоносцев. Магистр Ордена Конрад Валленрод оказал Витовту поддержку своими войсками в борьбе за Вильно, но первая попытка овладеть столицей княжества (1390) не удалась. Были, правда временно, захвачены Гародня (Гродно) и Новогрудок в 1392 году. Как ни странно, население ВКЛ поддерживало Витовта, несмотря на его известную связь с немецким Орденом, оно противилось новой «польской» власти, сопротивлялось католическому натиску на православие, на «старую веру» предков, и не спешило переходить на латинский алфавит. Эти события по «Слуцкой летописи» (с купюрами, прим. автора), выглядят так:

«С немецкыми силами поиде к Вилни, стретить его князь Скиргайло со братомъ своимъ Витовтомъ и с литовьскыми вои на реце на Вельи у городка, на месте нарицаеме Веишишькы. И ступившимся полкомъ, богъ поможитъ великому князю Витовту, и побежени быша литовьскии вои, и устремишася на бегъ, и побито ихъ много бысть. А иных князеи и боярь в нятство имали („в плен взяли“, прим. автора): князя Семиона Евдутьевича, князя Глеба Святославича смоленьскаго, князя Глеба Костяньтиновича, князя Ивана Пету, Лва Плаксича и иных князеи много изымань».

Вот такие «литовские» князья защищали Вильню от Витовта с немецкими полками. *«И поиде князь великий Витовть к городу к Вилни и со своими воинами, и отступять город Вилню, и нача добывати Кривого города, пушками бити, и взя град Крывиш; тогда же немци убиша князя Скиргайла Олжирдовича.»* [21].

В «Привилеи» 1387 года, выданного королём Ягайло-Владиславом своему брату Скиргайло (в крещении Иван) на управление ВКЛ, был подробно обозначен перечень земель, на которые распространялась власть Великого князя Литвы. Приведу отдельные выдержки из этого документа [23]:

«Богъ далъ намъ всего много, а ныне язь и съ своимъ братомъ со княземъ Скиригайломъ умыслили есмы и пришаемъ Божій даръ честно но Божію изволенію и его Пречистой Матери Девицы Богородицы Маріи». Король (и брат) подтверждал права Скаиргайло на все, вошедшие к тому времени княжества и земли ВКЛ, скрепляя эти слова клятвой: " ...ни обидети а ни которымъ временемъ не отнимати, ни злобою а ни которымъ гневомъ; а въ обиду ми брата своего князя Скиригайла не выдати;»

Минск (в грамоте – Менеск), как и многие другие города и земли Великого княжества, где население три века

приобщалось к православию, так называемая «русская сторона» (население с «русской верой», то есть православные), в этом «Привилеи» передавался Скиргайло, с подробным перечнем всех окружающих город волостей, сел и доходов с них:

«Такожъ на русской стороне городъ Менескъ Литовского жъ княженья весь и со всеми людьми и съ землею и со всякою пошлиною и съ доходомъ и князи служебные, тымъ всемъ володети князю Скиригайлу брату нашему. Такожъ волость Свислочь и съ данью и съ землею и съ людьми и со всемъ доходомъ, такожъ Бобруескъ обе половины и съ данью и съ землею и съ людьми и со всеми доходы, такожъ и Речица вся и весь доходъ и дань, такожъ Любечь весь и люди и земля и весь доходъ и съ данью, такожъ Пропошескъ весь и люди и земля и весь доходъ и вся дань серебряная, такожъ и Любошаны и съ данью и съ людьми и земля и весь доходъ, такожъ Игумена и вся дань...»[23].

Все эти земли западными летописцами назывались «Русью» или «Руской стороной» и жили там, по их мнению, «рутены». Ни Новгородское княжество со «словенами», ни Московское с «московитами», в «Русию» тогда летописцами не включались. Так же этим «Привилеем» Скиргайлу передавался и Полоцк. Полоцкое княжество уже давно органично входило в состав ВКЛ, но там княжил Андрей Ольгердович («Горбатый»), так что миром эта передача не закончилась.

«А нынечи Богъ намъ далъ городъ Полтескъ, а братъ нашъ князь Скиригайло Божією помочью и нашею взялъ свое место въ свои руки, што еще отецъ ему уделилъ такожъ и мы ему даемъ, и дали есмы тотъ городъ Полтескъ, а иному никому въ Полтескъ не вступатися, только князю Скиригайлу володети городомъ Полоцкомъ и всеми тыми месты и городаы и волостьми и людьми, всюю тою землею, што коли тягло и тягнетъ къ городу Полоцку» [23].

Вернемся ко времени после подписания Унии и брака Ягайло с Ядвигой. Князь Скиригайло становится Великим князем, занимает княжеский престол в Вильне, князь Витовт «в бегах», живет у крестоносцев в «Марьинграде», как записано в «Хронике Быховца», то есть в Мальборке, в замке, живет «со всеми своими чадами и домочадцами», собирает коалицию против брата. Там же живет и воспитывается по-европейски его дочь Софья, которой еще предстоит стать Московской княжной. Князь Витовт строит планы и просто так отдать «свою Литву» не намерен.

В «Слуцкой летописи» автор ошибся – Скиригайло не был убит, а был взят в плен, позднее Ягайло «великодушно» отпустил его и дал ему «во княжение» Киев, хотя прекрасно знал, что в Киеве престол занят Владимиром Ольгердовичем, его же братом, но сводным. Все-таки, в конце концов, князь Витовт сдержал обещание и помог изгнать Владими-

ра Ольгердовича из Киева, после чего, с согласия короля Ягайло-Владислава, на киевском престоле утвердился князь Скиргайло, в православном крещении – Иван. Там же в Киеве, вернувшись после охоты и обильного застолья (летописцы отмечали склонность Скиргайло к выпивке.

«...накануне крещения, у четверг, и на тех мест до Киева приехал немочен, и болел 7 днел и умер у среду. И кияне вси понесли его на головах, священницы поюще отходныя песни, со свещами, из города Киева до святыя Богородица Печерские, и положон князь Скиргайло чудныи и добрыи подле гроба свягаго Феодосия Печерскаго» [21].

Вечная ему память, а место его захоронения, Киево-Печерская лавра, будет почётнее любого «мавзолея»...

Сам же Витовт снова вернулся «в Немци... у Марьин город» и продолжил политику завоевания «своей Литвы». Ему нужна была поддержка усиливающегося Московского княжества, так как он готовился разорвать союз с крестоносцами. В таких случаях лучший способ – сватовство и женитьба на «нужном» князе, желательно, сильного княжества, да и дочь «на выданьи» была готова – Софье Витовтовне 18-ый годок миновал. Да и Московскому княжеству, постоянно воюющему с соседями за расширение своих «угодий», нужны были союзники.

«Того же лета к великому князю Витовту у Немци, у Марьнрод, приидоша послы из города Москвы от великаго князя Василиа Дмитриевича, просячи дщери князя вели-

каго Витовтовы за великаго князя Василя Дмитровича. Князь же великий Витовть дасть дщерь свою, княгиню Софью, и отпусти ю из Марына города, а з нею посла князя Ивана Олгимонтовича из грода Кданьска. И поидоша в кораблех за море, и приидоша к граду Пьскову, они же великыи чести уздаша имь, проводиша ихь чста до Великаго Новагорода Новгородци же паки честь имь воздаша и проводиша ихь и с честию до Мысквы к великому князю Василью Дмитреевичу» [21].

Все закончилось к общему удовольствию:

«И сотвори брак честны, и венча и великаго князя Василя Дмитреевича И с великою княжною Софєю, и бысть брак честен и чти достоин, и веселию многому» [21].

Что бы ни говорили лингвисты, но Уния дала толчок к «полонизации» старобеларуского языка. «Полонизация» проходила не только стихийно, ввиду значительных контактов местного, беларуского (литвинского) населения с польским, часто на основе заключающихся браков, особенно в «шляхетской» (дворянской) среде. Этот процесс регулировался и целенаправленной государственной политикой, в частности, проведением законов о высших государственных должностях в Великом Княжестве Литовском. Польский язык становился таким же отличием «благородства», маркером аристократизма, каким станет через четыреста лет в России французский язык высшего света. Особенно сле-

дует отметить, в этой связи, решительное наступление князя Ягайло на своих «бояр», на православие и на старобеларуский язык. Князю приходилось выполнять предсвадебные обещания, данные Польскому епископату.

20 февраля 1387 года Ягайло подписывает «Грамоту о привилеях» («о привилегиях»): «всем вообще литовцам и каждому в отдельности, рыцарям или боярам», о переходе в католическую веру.

«Для удостоверения этой грамоты привешена наша печать». Присутствовали знатные князья: Скиригайло – Трокский, Витовт – Городенский, Корибут – Новоградский, Казимир или Коригайло – Мстиславский, Александр или Вигунт – Керново литовского, Кондрат – Олеснитский, Иван и Земовит – князья Мазовецкие. Мужичи: Бартош из Висенбурга – воевода Познанский, Кристин – каштелян Сандомирский, Володка – чашник Краковский, Николай – каштелян Вислинский, маршал двора нашего, Спытка – подкамарий Краковский, Клемент – каштелян Радомский» [24].

Братья, тем временем, нашли компромиссное решение вопроса наследования земель ВКЛ и в тайных, от магистров Ордена, переговорах выработали план совместных действий.

4 августа 1392 года на встрече в Острове под Лидой (Беларусь) они подписали соглашение, по которому власть в Великом Княжестве пожизненно передавалась Витовту. Получил он и отцовскую вотчину с Гародней (Гродно), Трка-

ми и Луцком. Ягайло отрекся от непосредственного владения своими уделами в княжестве. Присягнув на верность Ягайле, Витовт стал во главе государства. Так был положен конец многолетней гражданской войне между ближайшими родственниками. Вначале с титулом «князь литовский», а затем – «великий князь литовский и пан и дедич русский» и «великий князь Литвы и Руси» Витовт стал единственным правителем Великого княжества, хотя номинально верховный суверенитет Ягайлы над землями ВКЛ сохранялся».

Война за земли ВКЛ, настоящая, братоубийственная, в прямом смысле этого слова, гражданская война, затеянная детьми Ольгерда, оканчивалась. Король Владислав-Ягайло возвёл своего брата Витовта на виленский престол. Витовт признавался пожизненно Великим князем литовским, а самому Великому Княжеству Литовскому гарантировалась автономия в союзе с Королевством Польским под верховной властью короля Владислава. Немного погодя братья договорились о том, что в случае смерти Витовта Великое княжество перейдет в руки Владислава или его наследников. Были написаны соответствующие «Акты», из них следовало, что если смерть настигнет Владислава ранее, то Ягайло получит право участвовать в выборе короля. (Виленско-Радомская уния 1401 года и Городельская уния 1413 года). Акты 1401 года были подтверждены всем «боярством» ВКЛ, то есть удельными князьями, церковными иерархами и княже-

ской знатью, что удостоверялось личными печатями, привешенными к Акту, всего было 40 печатей, с «литовской стороны». С «польской стороны» аналогичный Акт согласовала польская высшая знать, к нему было «привешено» 49 печатей.

Следующим шагом нового короля и князя было проведение закона о том, чтобы все высшие государственные должности в Великом Княжестве Литовском занимали только лица римско-католического вероисповедания и чтобы великолитовской шляхте, принявшей католичество, предоставлены были привилегии, уравнивавшие ее с польской шляхтой. Такое узаконение было проведено в 1413 году на Городельском сейме. Польский король утвердил это узаконение вопреки протестам православных, литвинских послов, присутствовавших на сейме. На этом же сейме было вынесено постановление, закрепляющее Унию между Великим Княжеством Литовским и Польшей, а также введено административное деление Великого Княжества Литовского, по примеру Польши, на воеводства. «В результате Городельской унии многие знатные роды княжеские и влиятельной шляхты перешли из православия в католичество в погоне за привилегиями и высшим положением в государстве, а потомки их при помощи католичества полонизировались» [25].

Эти нововведения, тем не менее, способствовали централизации власти, укреплению единоначалия, единообра-

зию в системе управления государством, и дали свои плоды в самом серьезном испытании – войне с государством немцев-рыцарей Тевтонского ордена. Уния вольно или нет сближала население Великого княжества с Европой, выводила ВКЛ на новый, передовой этап развития, приобщала к европейским ценностям и достижениям, особенно культурным, что способствовало в XV-XVI веках наибольшего развития литературы, искусства и педагогической мысли в беларуском (литвинском) обществе.

Очень важным преимуществом дальнейшего «соединения» властных структур обеих государств стало то, что «бояре» Великого Княжества Литовского, принявшие католическую веру, ставшие уже «шляхтой», получали права и привилегии польской шляхты, а также право использовать польские гербы. На время северо-западные и западные границы ВКЛ оказались прикрыты мощью польского королевства. Непокойными всё ещё оставались южные границы ВКЛ, и летом 1398 года Великому князю Витовту пришлось встретиться с полчищами ордынских ханов.

«Князь великий Витовт Кестуитевич литовьски собралъ вои бесчисленнии много, и царь Тактамышъ с нимъ своимъ дворомъ, и литва, и немци, ляхове, жомоитъ, татарове, волохове и поляне, и с нимъ было князеи 50, и бысть сила ратных много, и со всеми сими полкы вооружився, поиде на ТимирТиклюя» [18].

В этом противостоянии и схватке, известной как «битва на Ворскле» (1399), Великий князь Витовт потерпел сокрушительное поражение. Один только перечень погибших «князей литовских» позволяет понять катастрофу, постигшую ВКЛ. «И се имена избитых князеи литовьскихъ: князь Андреи полоцкий Олгирдовичь, брат его Димитрей дьбряньский, князь Димитревичь Киндырь, князь Андреи, пасынок его Димитреев; князь Евлашьковичь, князь Борисовечь киевский, князь Глебъ Святославичь смоленский, князь Глеб Корятовичь, брат его князь Семень, князь Михаило Подберезский, брат его князь Димитрей, князь Феодоръ Патрикеевичь волоски, князь Амонтовичь, князь Иванъ Юрьевичь Бельский, князь Спытко краковский» [18].

Поражение поражению рознь – опыт этого побоища показал необходимость согласования совместных военных действий разных городов и полков («хоругвей»), потребовал новой организации всей армии. Эти выводы станут основой для скорого, исторического подвига двух братьев – Великого князя Витовта и короля Владислава. Оставалось десять лет до Грюнвальдского сражения.

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ -БРАТЬЯ (ГРЮНВАЛЬД 1410 год)

Кревская Уния позволила использовать объединенные войска Великого княжества и Польши в сдерживании агрессии Тевтонского ордена, которому, в обмен на мир, пришлось передать в 1382 году Жемайтию. (Интересно, что же тогда называлось «Литвой» с точки зрения современных литовских историков?). Новое государство росло, росла его роль на европейской политической сцене, немецкое государство рыцарей Тевтонского Ордена начинало терять превосходство в Прибалтике. Столкновение двух сил в этом регионе становилось неизбежным. Именно результаты Унии и сыграли особенную роль в решающем для всей Европы Грюнвальдском сражении 1410 года.

О Грюнвальдском сражении, остановившем агрессию немецких рыцарей и их продвижение на восток на последующие 500 лет написано так много, что трудно выбрать и цитировать отдельные места из классиков исторической литературы, профессиональных историков или современных политологов. Накопился достаточный для многих томов диссертаций фактологический материал, разработаны и почасово детализированы сотни схем передвижения и построения полков и отдельные эпизоды этого грандиозного сраже-

ния. Мне же хочется, чтобы читатель услышал хотя бы часть из этого хора голосов, несмотря на то, что в нем нет созвучия. Великий польский писатель, лауреат Нобелевской премии, чл.-корр. Российской Академии наук, Генрих Сенкевич, родом из «липских татар» по отцу, а по матери из белоруской (литвинской) шляхты, создал неповторимый по красоте повествования и глубине погружения в историю роман «Крестоносцы». Из романа, правда, следует лишь то, что именно польские рыцари разгромили тевтонцев. Что сегодня, в сущности, не прибавляет к нашим, более расширенным знаниям об этой битве, ничего нового. В наши дни, белорусский писатель и историк Анатолий Тарас добавил свое видение Грюнвальдской битвы, где, наконец, появились литвины-беларусы, хотя, на самом деле, читателю надо долго объяснять, что «литвины» это наши белорусские предки. Слово «беларусы» появится только в XIX столетии указами императрицы российской. Так ей было легче осмысливать историю трёх славянских народов, чтобы создать «правильную» с её точки зрения иерархию восточных славян.

Грюнвальдская битва – это «битва народов», так её надо было бы назвать, национальными историками всех сторон освещается по-разному, в основном, подчеркивая исключительную роль своей нации. Доказать эту исключительность никто, конечно, не в состоянии. Но ведь можно хотя бы рассмотреть перечень, количественный состав и назва-

ния полков или «хоругвей», как писали средневековые историки. В замечательной работе выдающегося польского историка и летописца, дипломата и католического иерарха, Яна Длугоша (1415—1480), в 12-ти томной «Истории Польши», в разделе «Год Господень 1410», посвященном Грюнвальду, есть только «подвиги» польских военачальников. Хотя вскользь замечена была храбрость и стойкость «смоленских полков» [26].

Опустим многочисленные детали всех исторических изысканий, связанных с Грюнвальдским сражением, и послушаем самого Яна Длугоша, давшего детальное описание польского войска перед сражением, перечень его командиров.

Польским войском командовал:

...«Зиндрам из Машковиц, а знаменосцем был рыцарь Марцин из Вроцимовиц из рода Полукозы... Между тем как польский король Владислав упорно продолжал слушать богослужение и возносить молитвы» [26]. (Деталь любопытная...).

Восторженно и очень подробно, один из самых известных историков и летописцев средних веков, Ян Длугош описывает боевые знамена с гербами польских рыцарей:

«...польское войско имело в этой битве пятьдесят знамен, которые мы называем хоругвями»...

Конечно, было еще «несколько литовских хоругвей, чис-

лом сорок...» (40 – это у «польского патриота» Длугоша – «несколько», прим. автора)...

«... под которыми стояли только рыцари литовские, русские, самагитские и татары...

Эти хоругви, однако, имели более редкие ряды и меньше оружия, чем польские; так же и они не могли сравняться с поляками».

(Подробно о составе войск и результатах Грюнвальдского сражения можно прочитать в главе 5. ГРЮНВАЛЬД – 1410, монографии А.А.Прокопчука Полоцк-Літва-Rzeczpospolita-Беларусь, это наше, здесь мы-беларусы... часть Іі (исправленная) http://samlib.ru/p/prokopchuk_artur_andreewich/msworddoc-17.shtml).

Конечно, польских 50 хоругвей (полков) более чем 40 полков из Великого княжества, тут не поспоришь, хотя и здесь мы кое-что уточним. Почитаем всё того же Длугоша, что же это были за «хоругви» – полки и кто были их командиры:

«... Ян из Спрова, герба Одровонж; в первом ее ряду были следующие рыцари: Мщуй из Скшинна, герба Лебедь; Александр Горайский, герба Корчак; Миколай Повала из Тачова (Taschow, Чехия, прим. ААП), герба Повалов; Сасин из Выхуча, также герба Повалов. Четвертая – святого Георгия, имевшая на знамени белый крест на красном поле; под ним были все наемные чехи и моравы, а предводителями были чехи Сокол и Збиславек, знаменосцем же был чех Ян Сарновский,

так как король Владислав хотел оказать честь чешскому народу».

Итак, для начала, даже у пунктуального Длугоша, страстного средневекового польского патриота, в составе польского войска – уже два (если не три) «иноземных» полка – это чешские (моравские) рыцари, нанятые за счет средств польской королевской казны.

Идем далее по списку «хоругвей» Яна Длугоша, то есть полков и их командиров:

«Семнадцатая, восемнадцатая и девятнадцатая – земли Подольской, которая имела три знамени, ввиду многочисленности своего населения; каждое из них имело солнечный лик на красном поле. Двадцатая – земли Галицкой, имела на знамени черную галку с короной на голове на белом поле».

Итак, ещё четыре «иноземных» полка, или как сказали бы сегодня, и справедливо, историки – предки украинцев, русинские полки. Итого, уже 6 (на самом деле – семь, уточню ниже) «иноземных» полков. И еще пару «не польских» хоругвей-полков находим у Яна Длугоша:

«Сорок девятая – Яна Енчиковца, барона моравского, имела на знамени длинную белую стрелу, разведенную на конце, на красном поле, которая у поляков называется *Odrawansz*; ее предводителем был Гельм мораванин, и в ней служили одни мораване, которых прислал в подмогу польскому королю Владиславу упомянутый Ян Енчиковец, пом-

ня о милостях, оказанных его отцу Енчику королем Владиславом. Пятидесятая – Гневоша из Далевец... , в ней служили только наемные рыцари, не из поляков, а из чехов, моравов и силезцев, приведенные помянутым подстолием Гневошем..» И, наконец, «Пятьдесят первая – Сигизмунда Корибута, литовского князя, имела знаменем с всадником в доспехах на красном поле».

Хоть у кого-то, одного из командиров литвин, по мнению Длугоша, нашлось приличное знамя.

Вот окончательный итог подсчета числа полков (хоругвей) участников великой биты, после прочтения описания Грюнвальдского сражения самым пристрастным и информированным польским летописцем, который, хотя сам и не участвовал в сражении, но застал в живых свидетелей Грюнвальда.

Итак, по Длугошу, 9 полков в составе польской стороны, объединенные общим порывом, были «иноземные». Возникает другой баланс численности полков (Польша/Великое княжество), составляющих части этой громадной армии, – не 50 на 40, как поначалу посчитал Длугош, а 41 на 40 (сорок, подчеркиваю). Почувствуйте разницу...

Знамена литовские у Длугоша выглядят какими-то тряпками – **«Знамена же, определенные таким хоругвям, были почти все одинаковы»**. Здесь под «хоругвями» он также понимает полки, и чего вообще описывать «литовские» полки... Но Длугош, все-таки историк, и потому вынужден дать перечень литовских полков-хоругвей: «Назы-

вались же хоругви по именам земель литовских, а именно: Трокская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Лидская, Медницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская, Брестская, Волковыская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская; некоторые же носили названия по именам литовских князей, которые по повелению князя Витовта предводительствовали ими, а именно: Сигизмунда Корибута, Лингвеновича Симеона, Георгия» [26].

Высказано мнение, что под именем Георгий Длугош имел в виду или Юрия Владимировича, князя Пинского (то есть опять Беларусь), или Юрия Михайловича, двоюродного племянника Ягайлы и Витовта). Почти все белорусские (литвинские) города выставили войсковые подразделения под своими заменами – «хоругвями». Поскольку у Длугоша, как мы видим, с арифметикой было не все в порядке, количество литвинских (беларуских) и жамойтских (литовских) полков подсчитали более заинтересованные в точности изложения фактов современные историки.

В Великом княжестве Литовском в XIV и в начале XV века примерно половина населения было православным, а половина все еще языческим, что, видимо, и смущало католического иерарха, а по совместительству, литератора и историка, Яна Длугоша, архиепископа Львовского и наставника королевских детей. Впрочем, Ян Длугош мог и не знать «ли-

товских» подробностей и у него все жители ВКЛ были либо «литвины», либо «русины», в зависимости от вероисповедания... О жамойтах, современных литовцах, Длугош вообще ничего не сообщил в своем объемистом труде.

Беларуский историк Игорь Литвин, с излишней скромностью для литвина-беларуса, составил таблицу участников Грюнвальдского сражения [27].

Таблица полков, составленная И. Литвином, включает несколько разделов, в частности, «Известные хоругви и / командиры Великого Княжества Литовского», участвовавшие в Грюнвальдской битве (15.07.1410 г.), распределенные по современной государственной принадлежности городов». Начнем с хоругвей-полков, то есть городов, отправившихся на эту сечу с территории, адекватной сегодняшней Республике БЕЛАРУСЬ:

1. Брест 2. Быхов 3. Витебск 4. Волковыск 5. Гродно/ Михаил Монтвид 6. Друцк 7. Кобрин 8. Крево/ Ян Гаштольд 9. Кричев 10. Лида 11. Лукомль 12. Минск+Заславль/ Юрий Михайлович? 13. Могилёв/ Андрей Владимирович 14. Мстиславль/Семен (Юрий?) Мстиславский 15. Новогрудок/ Жигимонт Кейстутович? 16. Орша 17. Ошмяны 18. Пинск 19. Полоцк / Иван Немира 20. Слоним 21. Слуцк/ Александр Владимирович?

А если поверить тому же Длугошу, то надо присединить к этому списку беларуских (литвинских) полков еще, как минимум, три «хоругви» – " Дрогичинскую, Мельницкую,

Кременецкую хоругви». Вспомним, что и «Стародубская хоругвь», как и сам Стародубск, окончательно вошли в состав России только в 1686 году. Не надо особенно напрягаться, чтобы увидеть, что почти вся Беларусь и часть Украины (в современном понимании), почти все города Литвы-Беларуси встали на защиту своего отечества – Великого Княжества Литовского. Почему только Несвиж (совр. Минская обл.) попал в таблице Игоря Литвина на Украину – не знаю. Но позднее, Игорь Литвин сделал уточнение и список белорусских (литвинских) городов-участников Грюнвальдского сражения достиг 28 [68]. А с нашей справкой их стало – 31.

Взглянем для сравнения на раздел таблицы «Литовская Республика»: 1. Вилькомир-Укмерге/Вежкгайло 2. Вильно (с 1939 года Вильнюс) 1-ая (хоругвь) /Войцех Монтвид 3. Вильно 2-ая/ Петр Гаштольд 4. Ковно (с 1917г. Каунас) 5. Медники (совр. Медининкай) 6. Торки (с 1917г. Тракай) 1-я / Явнисё 7. Торки 2-я/ Гинвил 8. Ушполье (совр. Ушпаляй).

Необходимое уточнение, самого перечня, – Вильно и Торки (совр. Тракай), возможно выставившие по две хоругви, это все-таки два города, а не четыре. Некоторые историки считают, что в битве принимали участие и жители Тракая – крымчаки-караимы.

В Великом княжестве Литовском в XIV и в начале XV века примерно половина населения было православным, а половина все еще языческим, что, видимо, и смущало католи-

ческого иерарха, а по совместительству, литератора и историка, Яна Длугоша, архиепископа Львовского и наставника королевских детей. Впрочем, Ян Длугош мог и не знать «литовских» подробностей и у него все жители ВКЛ были либо «литвины», либо «русины», в зависимости от вероисповедания... О жамойтах (современных литовцах) Длугош вообще ничего не сообщил в своем объемистом труде.

9 (девять) полков-хоругвей (с Несвижем?) пришло из городов и территории современной Украины, земель-вассалов Великого Княжества Литовского: 1. Владимир-Волынский 2. Киев/ Иван Гольшанский 3. Кременец 4. Луцк/ Фёдор Острожский 5. Новгород-Северский/ Жигимонт Корибут? 6. Ратно 7. Чарторийск 8. Несвиж/ (Иван Несвижский?) 9. Подольские («хоругви») / Иван Жедевид, под рукой Ягайлы.

Два слова о роли «русских полков» в Грюнвальдском сражении, часто упоминаемых в трудах русских историков. Три хоругвями – Смоленской, Мстиславской и Оршанской командовал родной брат Ягайло Лугвений Мстиславский. И Мстиславль и Орша никогда не входили в границы Московского княжества. А Смоленские земли, в зависимости от исторической конъюнктуры, подчинялись чаще всего князьям ВКЛ. Не буду распространяться и о жителях этих земель говоривших на одном языке с Литвой-Беларусью до XX-го столетия.

Что касается общей численности воинов всей армии с той и другой стороны, то мнения историков сильно расходятся. «На окончательный профессиональный подсчет польского историка Стефана Кучинского, на тот момент, было 39 000 человек в польско-литовской армии и 27 000 – в тевтонской, в том числе, 21 тысяча конных и 6 тысяч пеших (включая несколько десятков пушкарей, обслуживавших бомбарды). Западная литература ссылается на цифры этого историка как на «общепризнанные» (Википедия).

В Беларуских летописях, Грюнвальдская битва именовалась Дубровенской, по названию ближайшего к полю сражения городка. Результаты Грюнвальдского сражения сегодня не выглядят однозначно. Ни по одному частному вопросу Грюнвальдской битвы у историков нет единого мнения, например, о роли артиллерии – «гарматы» по-беларуски. «Хроника Литовская и Жамойцкая» гласит (по-беларуски):

«Навели немцев на свои гарматы, навешив раскочились, а тут зараз з гармат дано агню, где зараз немцов килка тысячий полегло»

Если верить этой записи в летописи, то Витовту удалось сделать то, что тевтоны планировали сделать с литвинами, то есть заманить противника в артиллерийскую засаду [17]. Может быть, именно этот маневр дал повод Длугошу

и многим другим написать об отступлении литовских полков. Но результаты этой битвы говорят сами за себя.

Победа при Грюнвальде вызвала небывалый подъём и воодушевление у населения Польши и Великого княжества. Жители Великого княжества приветствовали вернувшихся воинов во всех землях, где проживали литвины-беларусы, ушедшие сражаться за свою независимость. 31 город с литвинским (беларуским) населением, не считая «литовские» Вильну, Медники и Ушполье, стали участниками Грюнвальдской битвы. А ведь сражаться в полках Великого князя Витовта, защищать «радзіму», отечество, пошли ополченцы ещё из десятков, если не сотен беларуских «вёсок» – деревень. «Память о Грюнвальдской битве сохраняется не только в летописях и книгах. На лесной и озёрной Витебской земле, недалеко от беларуского города Поставаы, есть деревенька Грюнвальд. Легенда гласит, что её основал один из воинов князя Витовта, вернувшийся с победой на родину» [28].

Несомненно, что **Великий князь Витовт** сыграл решающую роль в этом историческом, европейского масштаба, сражении.

Герб и печать Великого князя Витовта

Подъем, вызванный победой над германским Орденом, сказался и на дальнейших политических событиях и притязаниях участников этого исторического подвига. Великий князь Витовт, один из победителей в Грюнвальде, мог быть относительно спокоен за целостность своих западных земель, их прикрывала сильная Польша, только что разгромившая тевтонский Орден, а еще – польским королём был Владислав II, его брат. Князь Витовт направил вектор своей политики на южные, «русинские» княжества и возобновил отношения

с Москвой, где Великой княжной уже двадцать лет, с 9 января 1391 года, была его дочь Софья (1371—1453), выданная замуж за Василия Дмитриевича, сына Александра Невского.

В своем предсмертном завещании князь Василий Дмитриевич (скончался в 1423) отдавал жену и сыновей под защиту Великого князя литовского, Витовта. В 1427 году Софья официально передала Московское княжество под руку своего отца, князя Витовта, который примерно в это же время заключил договоры с князьями – Тверским (1427), Рязанским (1430) и Пронским (1430), согласно которым они становились его вассалами (Википедия).

Великий князь Витовт, не забывая о своем положении и месте ВКЛ в Европе, заигрывал с римско-католической церковью, и ему удалось в Киеве, оплоте православия, открыть католическую, епископскую кафедру. Но главной его мечтой было получить титул КОРОЛЯ, что требовало благословения Папы Римского. Европейская популярность Витовта была очень высокой и вскоре ему поступило предложение из Чехии стать королем, однако Чехия была на волне поднимающегося реформаторства, объята огнём Гуситских войн, и осторожный в политике, Витовт послал туда своим «наместником», командира отряда, племянника, Жигимонта.

Пояс Витовта

Пояс Витовта нашли в начале 90-х годов во время земляных работ вблизи деревни Литва Молодечненского района Минской области. (Символическое название села, слава Богу, не переименованного в советское время).

Уникальный предмет датируется XV веком и состоит из 11 серебряных и позолоченных поясных блях, пряжки и наконечника, в котором сплелись генуэзские и татарские художественные традиции. Пояс Витовта предположительно был создан в Крыму. Такие пояса были элементами престижного костюма татарских ханов, а в Беларусь (Литву) они попадали, как дары. Ученые высказали гипотезу, что это подарок крымского хана Хаджи-Гирея Великому князю литовскому [29].

Активная позиция Витовта на востоке княжества давала ощутимые результаты, договоры с тверским и рязанским

князьями, отстаивавшими свою независимость от Москвы, и личные, особые отношения с Московским княжеством, открывали новые перспективы, являлись основанием для образования «нового, великого государства». На южных рубежах ВКЛ отряды Великого князя отвоевали Подолию, прошли по путям, проторенным великим Ольгердом, снова дошли до берегов Черного моря. Тамань и Хортица стали опорными пунктами на границах ВКЛ, открылся торговый путь в Константинополь. На востоке Великое княжество Витовта включало, кроме Смоленского княжества еще и Тульскую землю, которая передавалась ему по договору с рязанским князем Иваном Фёдоровичем.

Тяготясь унией с Польшей, Витовт и литвинские феодалы стремились к ее разрыву и к восстановлению политической самостоятельности Великого княжества. В этих целях Витовт решил принять королевский титул, но уже назначенная коронация не состоялась из-за резкого противодействия польской знати. В 1430 году была вторично назначена коронация. Если бы Витовт успел сделать ВКЛ королевством, он обеспечил бы полную независимость княжества от Польши и поддержку европейских монархий. Это было бы концом династической, «личной», Кревской унии. В этих своих попытках он получил могущественного союзника – германского императора Сигизмунда, заклятого врага Польши. С целью осуществления этой идеи Витовт созвал в 1429 году съезд соседних монархов в Луцке, описание этого события я

приведу из работы архиепископа Афанасия (Мартоса) [25].

«На съезд прибыли: Великий князь московский Василий – зять Витовта, германский император Сигизмунд со многими немецкими князьями, польский король Ягайло, его брат, датский король, валашский воевода, магистр прусский, литовско-русские князья, ханы татарские и многие знатные лица. На съезде монархов обсуждался вопрос о мерах борьбы с турками. Витовт решил воспользоваться этим съездом для своей коронации. Император Сигизмунд исхлопотал королевскую корону у папы, и немецкие послы должны были привезти ее в Луцк Витовту. Днем коронации был назначен праздник Успения Божией Матери 15 августа, потом торжество отложили до праздника Рождества Богородицы 8 сентября. Ягайло и поляки были против коронации. Они закрыли границы и не пропустили в Польшу германских послов, везших корону. Из-за их интриг коронация не состоялась, и гости, не дождавшись ее, вынуждены были уехать в свои уделы. Главным деятелем польской политики был краковский архиепископ Збигнев Олесницки. Оскорбленный поведением поляков, Витовт объявил, что корону возложит на себя в Вильно, куда и пригласил гостей. Олесницки пытался убедить Витовта не делать этого, но безрезультатно. Дело закончилось смертью Витовта, последовавшей неожиданно в конце сентября 1430 г. Было подозрение, что его смерть ускорили поляки» [25].

Николай Гусовский в поэме «Песня о зубре» воспевал деяния Великого князя Витовта:

*Годы Витовта названы веком
Самым прекрасным
совсем не за то, вероятно,
Что возвышала правителя бранная слава.
Нет же, скорее за то,
что превыше богатства и счастья
Ставил он духа богатство и благовейно
С верой глубоко чтил всемогущего Бога.*

«Все оплакивали его смерть, как отца отчизны», – пишет Ян Длугош. Он признавал достоинства Витовта и прежде всего усердное трудолюбие великого князя, не тратившего ни мгновения впустую. Когда требовали дела, то Витовт не откладывал их на потом, решал и за обеденным столом, и в дороге, чем заслужил большой почет у своих подданных. Не любил пировать и пропадать на охотах, считая, что так делает глупый правитель, забросивший державные дела. Был суровым к своим подданным и не оставлял никакого преступление без наказания. За поборы и грабежи карал своих урядников, отбирая у них имения. Так Витовт правил. «Среди людей нашего времени было общее широкое и принятое мнение, что никакого современного правителя нельзя сравнить с Витовтом, что ни один не превосходит его ни

великодушием, ни умением действовать. Он первый славой свершенных дел и популярностью своих свершений вынес на свет и вывел из тени бедную и убогую свою Отчизну, которая при последующих правителях уже не тешилась таким величием».

От польского средневекового историка Яна Длугоша до современного белорусского историка и писателя Виктора Чаропко, все посвящали Великому князю Витовту восторженные слова признания его выдающейся деятельности во славу своей отчизны – Великого Княжества Литовского.

«И был князь великий Витовт сильный господар, и славен по всем землям, и много царей и князей служили при дворе его», – так сказано про этого легендарного правителя в летописной **«Похвале Витовту»**. Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское при Витовте достигло своего высшего могущества. Оно раскинулось от Балтийского до Черного морей, от низовьев Западного Буга до реки Угра, став настоящей империей. Таков итог жизни и политической деятельности князя Витовта. Казалось, он не знал покоя, всего себя посвятив заботам о государстве. Мудрое правление славного Витовта вспоминали и в следующие века как золотое время Великого княжества Литовского.

ролевством и Великим княжеством. Братья часто расходились в своих отношениях друг к другу, соперничали с раннего детства, когда началась их дружба, переходившая иногда во вражду, но общие цели заставляли принимать согласованные решения. Совместный смоленский поход короля Владислава II и Великого князя Витовта на подавление мятежа еще более сблизил братьев. После этого похода король Владислав женился в четвертый раз (1422 год), с легкой руки брата, сосватавшего для него, в трудном для всех, «пиковом» положении, Софью Гольшанскую.

В «Хронике Быховца» [19] имеется эпизод, решивший судьбу королевства, а значит и, в какой-то мере, судьбу Великого Княжества Литовского, который летописцем подается так (привожу в транскрипции «Хроники», из «Библиотеки Якова Кротова»)

«И, возвращаясь обратно, приехали в Друцк и были там на обеде у князя Семена Дмитриевича Друцкого. А у короля Ягайла умерла уже третья жена, не дав потомства; и увидел он у князя Семена двух его красивых племянниц, старшую из них звали Василиса по прозвищу Белуха, а другую – София (Софья Гольшанская). И просил Ягайло Витовта, говоря ему так: «Было у меня уже три жены, две польки, а третья немка, а потомства они не оставили. А теперь прошу тебя, высватай мне в жены у князя Семена младшую племянницу»

цу Софию, она из рода русского и может быть бог даст мне потомство». И когда начал князь Витовт говорить о том князю Семену князь Семен сказал так: «Государь, великий князь Витовт. Король Ягайло брат твой – коронованный и великий государь и не могло бы быть лучше моей племяннице, как за его милость выйти замуж, однако же не годится мне позорить старшую сестру ее, выдавать младшую раньше старшей, и поэтому пускай бы его милость взял старшую». И когда князь великий Витовт сообщил это королю Ягайло, тот сказал: «Сам знаю, что старшая красивее, но у нее усики, а это означает, что она девка крепкая, а я человек старый и не смею на нее покуситься» [19].

Было королю Владиславу около 70-ти лет, это был декабрь 1421 года, он чувствовал себя очень старым и не знал, что проживет еще 13 лет.

Софья Гольшанская (1405—1461) была дочерью князя Андрея Гольшанского и Александры Друцкой (Друцк, Витебская область современной Беларуси). Она стала родоначальницей династии польских королей Ягеллонов, так как от брака Ягайла с королевой Ядвигой и двумя другими женами сыновей у короля не было.

Бракосочетание Владислава с Софьей Гольшанской примирило и теснее сблизило братьев, так как Великий князь Витовт, в свою очередь, после смерти своей жены Анны, сно-

ва женился на Ульяне Гольшанской, родной тетке юной Софьи.

Ульяна Гольшанская (1375—1448) была дочерью князя Ивана Гольшанского и Агриппины Смоленской.

Владислав (Ягайло) возвращал «долги» и сам возвращался на свою родину, его родовой дом со времен подписания Кревской унии пустовал. От отцовского дома Софьи – Гольшан, до Крево, княжеского замка, и Новогрудка, первой столицы ВКЛ, – рукой подать. На этой древней земле давно проживали Гольшанские, князь Альгимонт Гольшанский владел Глузской и Дубровицкой волостью с XIV столетия.

Гольшаны – родовое поместье князей Гольшанских
Ошмянский р-н, Гродненская обл. Беларусь
(Наполеон Орда, середина XIX ст. акварель)

«Приехал Владислав-Ягайло с большой свитой в заснеженный Новгородок, чтобы здесь, на своей литвинской (беларуской земле) сочетаться браком с дочерью гольшанского князя Андрея, также литвинкой. Про то памятное событие до сих пор напоминает памятная доска в „Фарном костеле“, когда-то построенном Витовтом Великим» [31].

«Фарны костел» Новогрудок, Минск. обл. Беларусь

Памятная доска на стене «Фарного костела»

Текст доски написан по польски

W TEJ ŚWIĄTYNI 1422 ROKU
WŁADYSŁAW JAGIEŁŁO KRÓL POLSKI
WIELKI KSIĄŻĘ LITEWSKI ZAWARŁ
ZWIĄZEK MAŁŻEŃSKI Z ZOFIĄ KSIĘŻNICZKĄ
HOLSZAŃSKĄ PRZYSZŁĄ MATKĄ KRÓLÓW
POLSKICH WŁADYSŁAWA WARNEŃCZYKA
I KAZIMIERZA JAGIELLOŃCZYKA KRÓL
KAZIMIERZ JAGIELLOŃCZYK BYŁ OJCEM
ŚW. KAZIMIERZA I KRÓLÓW POLSKICH
JANA OLBRACHTA, ALEKSANDRA ZYGMUNTA
I ORAZ WŁADYSŁAWA KRÓLA WĘGIER
I CZECH I FRYDERYKA KARDYNAŁA KOŚCIOŁA
RZYMSKIEGO PRYMASA POLSKI DZIADEM ZAŚ
ZYGMUNTA AUGUSTA, OSTATNIEGO Z DYNASTII
JAGIELLONÓW KTÓRZY NA NAJWYŻSZE SZCZITY
POTEGI I CHWAŁY WZNIEŚLI KRÓLESTWO
POLSKIE I WIELKIE KSIĘSTWO LITEWSKIE

В переводе с польского эта надпись звучит так: «В этой святыне в 1422 году Владислав Ягелло король Польский Великий князь Литовский заключил супружеский союз с Софьей, княжной Гольшанской, будущей матерью королей польских Владислава Варненчика и Казимира Ягеллончика. Король Казимир Ягеллончик был отцом Св. Казимира и королей польских Яна Ольбрахта, Александра Зыгмунта и также Владислава короля Венгрии и Чехии и Фредерика кардинала костёла Римского, Примаса Польши дедом Зыг-

мунта Аугуста, последнего из династии Ягеллонов, которые вознесли Королевство Польское и Великое Княжество Литовское на вершину славы и могущества» (перевод автора).

Так широко развернулась одна из мощнейших европейских династий после удачного бракосочетания в Новогрудке. Королевская польская, венгерская и чешская династия Ягеллонов, ответвление Гедиминовичей, господствовала в средневековой Европе с 1377 до 1572 года. Новогрудское венчание Софьи Гольшанской и Владислава-Ягайло два века влияло на ход европейской политики. А гольшанская княжна Софья, из литвинок (беларусок), стала не только королевой польской, но и «матерью королей», как называли ее современники и прославили летописцы и писатели...

В 1428 году город Новогородек (совр. Новогрудок), с землей и прилегающими сёлами, Великий князь Витовт передал в пожизненное пользование своей жене Ульяне (Гольшанской) [32].

Старый король, Владислав II (Ягайло), не ошибся в выборе жены, несмотря на все его сомнения. Софья Гольшанская родила ему трех сыновей, один из которых, правда, вскоре умер, но первый, Владислав, и третий, Казимир, которого называли еще и Андреем – в честь деда, Софьиного отца, оба стали королями Польши. Династия Ягеллонов не прервалась, детям и внукам королевы Софьи предстояло занять

достойное место в истории всей Европы.

Её сын – король Казимир IV, лучшее подтверждение широким культурным, в том числе и педагогическим, способностям, целеустремленности и высокой образованности Софьи Гольшанской, продолжившей традиции древнего литвинского (беларуского) рода, из которого вышли известнейшие в истории ВКЛ и Польши деятели средневековья.

КАЗИМИР IV (1427—1492) Великий князь литовский (с 1440 года) Король Польши (с 1447 года)

КАЗИМИР IV

Коронование Великого князя литовского Казимира в 1447 году, ставшего королем Казимиром IV Ягеллоном (1427—1492), привело к довольно устойчивому и относительно спокойному правлению конфедерацией, которое длилось 47 лет и которое заложило основу несомненного процветания ВКЛ в XV-ом и в первой половине XVI-го века.

Важно отметить, что в европейской истории добровольное и мирное объединение государств было совершенно беспрецедентным актом. Речь Посполита, как государственная (федеративная) структура, на полтысячелетия опередила развитие подобных межгосударственных связей, стала ПЕРВЫМ государством в Европе подобного типа. Объединению двух государств предшествовала в ВКЛ длительная работа по созданию собственных законодательных положений, позволивших сохранять длительное время автономию в составе федерации. Следует отметить, в этой связи, роль канцлера ВКЛ Альбрехта Гаштольда в создании первого «Статута ВКЛ» (1529), законодательно закрепившего автономию княжества. Проект статута был начертан Великим канцлером Николаем Николаевичем Радзивиллом (латинское имя которого дополнялось – *amog Poloniae*: 1470—1521).

Собираемые документы, отражённый ими правовой поря-

док, легли в основу ПЕРВОГО Статута ВКЛ.

Король Казимир IV, Великий князь Литвы, издал 29 февраля 1468 года один из самых важных для дальнейшего развития ВКЛ и Польши документ – так называемый «Судебник Казимира» (в оригинале назывался «Лист»).

Этот законодательный памятник ВКЛ действовал до создания первого Литовского статута 1529 года. Оригинал «Судебника» не сохранился, имеются его списки конца XV – XVI веков.

«Судебник» состоял из 25 статей и создавался как юридическое обоснование при раздаче земель феодалам, закреплении свободных крестьян, и вместе с тем, освобождением раздаваемых земель и живших на них крестьян от государственных повинностей и великокняжеского суда.

«Судебник Казимира IV» был написан, как и все другие государственные документы ВКЛ, на старобеларуском языке. Этот сборник законодательных актов вводил личную ответственность за совершенное преступление и обозначил все формы наказания за них.

Если «Трокский Привелей» Великого князя Жигимонта (1434 год) лишь подтвердил права православных иметь «шляхетские гербы» и другие «привелеи», то Судебник Казимира 1468 года, так называемый «беларуский статут», подтвердил всеобщие права для беларуской шляхты и явился началом образования сословий в ВКЛ [33].

Казимир окончательно подчинил Великому Княжеству Литовскому Смоленские земли.

«Между маем и июнем 1447 года Смоленская земля получила от Казимира «Привилей», содержание которого реконструируется по аналогичному Привилею великого князя Александра 1505 г. Хотя этот документ не был прямым и непосредственным следствием событий 1440 года (восстание горожан при смоленском воеводе Андрее Саковиче) [34].

АЛЕЛЬКА

Может быть, и не столь значителен в истории удельный князь Алелька Юрий, если бы не его легендарная дочь Софья. Тем не менее, он достоин занимать свое место в пантеоне исторических фигур Великого княжества.

АЛЕЛЬКА Александр Владимирович (1380 – 1454)

Софья родилась в 1585 году в семье слуцкого князя Юрия Алелькавича и Катерины из рода беларуских магнатов Кишка, в местечке Любча, в Любчанском замке. Позже ее в народе назовут «Алелька». Вскоре скончались ее отец и мать, девочку на воспитание взяли родственники Алелькавичей, известные всему Великому княжеству, магнаты Хадкевичи.

Когда Софье исполнилось 15 лет, в 1600 году, Хадкевичи выдали ее замуж за князя Януша Радзивилла (1579—1620), «подчашего литовского» с 1599 года, каштеляна, члена сейма с 1619 года. Перед свадьбой Софья поставила условием крестить своих будущих детей по православному обряду.

София умерла во время родов (1617 год) ее, как последнюю из рода Алелькавичей, погребли в Слуцком Свято-Троицком монастыре. Канонизирована православной церковью и причислена к Лику святых...

Удельный князь (Слуцкое и Копыльское княжества) Алелька Александр Владимирович (1380 – 1454) стал родоначальником Слуцких князей., Политический деятель, военачальник, дипломат Великого Княжества Литовского. Он был сыном киевского князя Владимира Альгердовича, основатель рода Алелькавичей.

В 1417 году женился на дочери Великого князя москов-

ского Василия и Софьи Витовтовны (дочь Великого князя литовского Витовта).

Участник походов Витовта на Новгород. В борьбе за великокняжеский престол с 1431 года поддерживал Свидригайла, потом Жигимонта Кейстуовича. Заключён под стражу в Кернаве. После убийства Жигимонта присягнул Великому князю Казимиру.

Владел землями в «руских» (беларуска-украинских) областях Великого Княжества Литовского, поддерживал православные монастыри и церкви, утвердил «привилеи» католического костёла Св. Николая в Киеве.

Решительно поддержал кандидатуру соборного папы, а в 1441 году выступил за признание церковных и светских (землевладельческих) прав Униатского митрополита Исидора.

Похоронен в Киево-Печерском монастыре в 1454 году (Википедия).

ОСТРОЖСКИЙ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ

Константин Острожский (1460—1530)

Выдающийся военный деятель Великого Княжества Ли-

товского, герой битвы под Оршей. В памяти народной остался защитником отечества от посягательств Московского царства на земли княжества в многочисленных войнах (так называемых Русско-Литовских войнах). Многократный победитель в сражениях с татарскими полчищами.

Великий гетман терпел и поражения и даже был в русском плену после битвы у реки Ведроши (1500 год), однако бежал из плена на родину (1507) и был вновь назначен Великим гетманом княжества. Пост этот занимал с 1507 до 1530 года.

Герой знаменитой битвы под Оршей, исторического события, едва не прервавшего последовательное развитие Литвы-Беларуси (Великого Княжества Литовского). Это был очередной виток бесконечного и все нарастающего противостояния с Москвой, с быстро развивающимся, в основном в военном отношении, растущим и по размерам Московским княжеством.

«Это была яркая победа среди страшной полосы поражений» [35].

Оршанская битва, 8 сентября 1514 года (автор неизв. Викисклад)

Князь Константин Иванович Острожский скончался 11 сентября 1530 года в городе Туров (Гомельская обл. Беларусь), похоронен в Киево-Печерской лавре. На его надгробии надпись —

«Константин Ивановичь, князь Острожский, воевода Троцкий, гетман великого княжества Литовского, после многих побед сраженный смертию, здесь похоронен. 1533 года по Р. Х., имел 70 лет отроду. Побед им одержано 63.

«Одержавши над татарами шестьдесят три победы, украшенные кровию, присоединивши Русь, Днепр, Ольшанку, он кроме сего основал много замков, много монастырей, много св. церквей как в княжестве Острож-

ском, так и в столичном городе вел. кн. Лит. Вильне; щедро одарил храм Пречистой Богородицы Печерской, в котором после смерти и был положен. Основал для убогих госпитали, для детей школы, для людей рыцарских оставил в Марсовой Академии копыя с саблями. Напиши с приятностию: Русскому Сципиону, Константину Ивановичу Острожскому, Гетману вел. Княжества Литовского – да будет все это надгробием» [36].

XVI век

В истории Беларуси (Великого Княжества Литовского), в памяти народной, остались сотни кровопролитных сражений. Это 140 нападений крестоносцев, 95 вторжений крымских татар, четыре с половиной столетия (1368—1795) полномасштабных войн с Московией. Не считая двух мировых войн, двух революций и большевистский, советский геноцид. За время всех этих бедствий беларусы (литвины) теряли иногда до половины населения своей страны. В народной памяти остались навечно такие имена полководцев, отстаивавших интересы Литвы-Беларуси, как имя Великого князя Христофора Николая Радзивилла, присвоив ему громкое имя «ПЯРУН» (рус. яз. «Гром») (1547 – 20.11.1603).

ХРИСТОФОР Радзивилл (1547—1603)

портрет работы Марчелло Бачиарелли, 1781 г.

Великий гетман Христофор Николай Радзивилл, одержавший множество побед над войсками шведов, московского царства, получил в народе прозвище «Пярун» (Гром).

Он родился в Вильно 9 февраля 1547, военный и государственный деятель Великого Княжества Литовского.

Его подвигам в борьбе со Швецией (война Речи Посполитой со Швецией в период с 1600 по 1629 годы, «Ливонская война») и с Московским царством (1577 – 1582 гг) была посвящена книга средневекового автора Соломона Рытинского

(Любча, 1614 год) – «Краткое изложение дел, совершенных светлейшим князем Христофором Радзивиллом».

Не менее успешным на военном поприще оказался и Христофор Радзивилл (Младший) (1585—1640)

Вернемся на время к эпохе Ивана Грозного, царю «Всея Руси», так как часть земель Киевской Руси была уже присоединена к Московии его отцом, Василием III. Шло дальнейшее наступление нового царства на земли Великого княжества.

Захватив Полоцк, по приказу Ивана Грозного, московские войска не оставили в городе ни одного местного жителя, в нем был расположен только гарнизон московских оккупантов. 18 февраля Иван въехал в город, 26 февраля он уехал, приказав оставленным там трем своим воеводам: «Литовских людей в город, приезжих и тутошних боярских, землян и черных людей ни под каким видом не пускать. ...ни один человек, ни шляхтич, ни посадский, в город не входил» [137].

Эти войны отнимали большие силы и ресурсы Великого княжества, однако остановить развитие нового государства, особенно после унии с Польшей 1569 года уже не удалось ни Москве, ни «крымчакам», ни Швеции.

В XVI – XVII веках на всей территории Литвы-Беларуси (Великого княжества, ВКЛ), в разных городах и в сель-

ской местности, повсеместно открывались учебные заведения: «коллегиумы», «академии», «семинарии» и многочисленные «бурсы», школы разных «братств» и «орденов». Первый «гимназиум» в ВКЛ был открыт в Новогрудке в 1539 году.

В это время началось усиление противостояния «реформаторам» со стороны римско-католической церкви, активизировался Орден Иезуитов («общество Иисуса»), чья роль в развитии образования не ограничивалась столицей, городскими жителями. Монахи Ордена, выполняя обет милосердия, помогали получить образование мальчикам из обездоленных слоев шляхты за собственный счет. С этой целью они создавали семинарии, «институты для бедной шляхты», организация которых являлась одним из направлений благотворительной деятельности «Общества Иисуса».

ПЕРВОЙ СЕМИНАРИЕЙ, открытой монахами-иезуитами на территории Беларуси, была Полоцкая. Она была основана по указанию польского короля Стефана Батория 20 января 1582 года [37].

Полоцкая иезуитская семинария-коллегиум стала прообразом университетов, организатором университетского образования в Беларуси-Литве, насчитывающего четырехвековую историю.

«В то время в Западной и Центральной Европе, в том числе и на территории современной Беларуси, система образования и воспитания, выработанная иезуитами, была чрезвы-

чайно популярной. Полоцкую интеллектуальную элиту представляли люди, хорошо известные во всей Европе. Среди них «христианский Гораций» Мацей Сарбевский, автор первых отечественных учебников на греческом языке Сигизмунд Лауксмин, знаменитый оратор Казимир Коялович, профессор архитектуры Андрей Жабровских, ученый-энциклопедист, будущий ректор Виленского университета, член Королевского астрономического общества в Лондоне, член-корреспондент Парижской академии наук Пачобут-Адленицкий.

Не менее блестящую плеяду составляли и выпускники учреждения – живописец Валентий Ванькович, поэт, драматург и историк Никодим Мусницкий, писатель, один из основоположников новой белорусской литературы Ян Барщевский» [37].

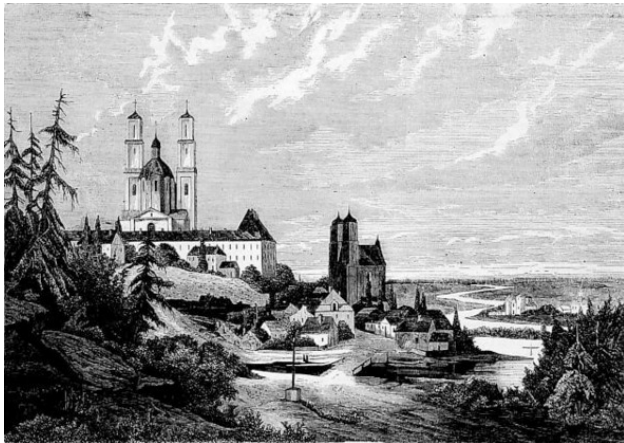
Мацей Казимир Сарбевский (1595—1640) читал в Полоцком коллегиуме лекции по риторике и поэтике, писал стихи на латинском языке (как ранее Микола Гусовский), и был увенчан в Риме лавровым венком с титулом «христианский Гораций». Книга-учебник Сигизмунда (Жигимонта) Лауксмана «Практическое красноречие» выдержала 11 изданий: в Вене, Мюнхене, Праге и Франкфурте. Славная история Пинской иезуитской коллегии прервалась в 1773 году, когда Ватикан распустил этот монашеский орден и был занят униатами.

С захватом и окончательным присоединением земель

Великого княжества к России, в 1800 году, здание полоцкого «коллегиума» передали РПЦ и здесь действовал Богоявленский собор, а с 1848 года духовное училище. С 1918 до 1939 года все здания вновь вернулись католикам (после Рижского «раздела» Беларуси). После «воссоединения» западных земель с Россией богатейшая библиотека коллегиума (два вагона) была вывезена в 1940 году в Ленинград, а Костёл Святого Станислава взорван в 1953 году.

Вторым образовательным центром Литвы-Беларуси стала Слуцкая гимназия, кальвинистское учебное учреждение, которое уже в XVII веке завоевало известность и славу далеко за границами Великого княжества как «Слуцкие Афины». Была основана Янушем Радзивиллом 20 мая 1617 года на Заречье. В ней работали выдающиеся педагоги своего времени. Учителя Андрей Добранский, Андрей Музоний, Рейнгальд Адами и другие основатели Слуцкой школы были педагогами европейского уровня. По пособию по риторике, созданном Рейнгальдом Адами, позже учился Михаил Ломоносов (Википедия).

Её «фундатором» явился Иероним Клокоцкий, выделивший на организацию и деятельность семинарии 40 тысяч злотых.

ПОЛОЦК, здания Полоцкого коллегиума в XVII ве- ке

В этом столетии появляется целый ряд исторических фигур, повлиявших на развитие культуры, общественной мысли, на создание основ для развития государственного устройства, осмысления роли человека, как гражданина нового времени.

Несомненна прогрессивная роль короля Сигизмунда II Августа, особенно в решении разнообразных вопросов внутреннего государственного устройства, в том числе и ВКЛ. Подписав Люблинскую унию (1569), создавшую основу для образования федеративного государства Речи Посполитой, он предварительно уравнил в правах православных и като-

ликов «Виленским привилеем» 1563 года. Он переписывался с крупнейшими религиозными деятелями и философами своего времени, Кальвином и Лютером, которые посвятили королю свои сочинения: Кальвин – толкование на послание Павла к евреям, Лютер – свой перевод Библии» [46].

Король в совершенстве владел старобеларуским языком, официальным языком княжества, о чем свидетельствуют документы того времени, если и не написанные королем, то вычитанные им, и подписанные, например, ниже приведенный:

«1552 г. Декабря 23. Грамота Сигизмунда Августа, данная Василію Тишковичу на пожизненное владѣніе имѣніями Лососиною, Байкевичами, Бѣлавичами и Рожаною. Жикгимонтъ Августъ, Божою милостию король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецскій и иныхъ. Чинимъ явно симъ листомъ, ижъ мы, вбачивши на верныхъ а пильныхъ къ намъ господарю службы маршалка нашего, державцы Менского и Волковыйского, пана Василея Тишковича, дали ему двory наши повѣту Слонимского на имя Лососиную, Байкевичи, Бѣлавичи и зъ мѣстечкомъ Рожаною и зъ селы и приселки, которые здавна къ тому двору нашому Лососину прислухало и теперъ прислухаетъ, съ половицею гуменъ тыхъ дворовъ нашихъ и съ половицею цыншовъ и платовъ и доходовъ всякихъ, яко ся тыи двory наши сами въ собѣ и во всихъ пожиткохъ своихъ здавна и нинѣ мають, и яко на насъ господаря были дер-

жаны и въ справъ волочной отъ насъ постановлены, и тежъ съ половицею дани грошовое и медовое и со всимъ съ тымъ, што здавна ку тымъ дворомъ нашимъ прислухало и теперъ прислухаетъ, до его живота. Мать панъ Василей Тишковичъ тые дворы наши отъ насъ держати и у справъ своей владнуги, со всимъ по тому, яко на насъ господаря было то держано, ихъ мѣти, гдѣжъ мы и зъ личбы скарбу нашего зъ оныхъ дворовъ нашихъ вышемененыхъ яко зъ гуменъ, такъ и съ цыншовъ и со всихъ доходовъ, пожитковъ его зъ ласки наше вызволяемъ и вольнымъ его въ томъ чинимъ. Веджо подъ тымъ способомъ и обычаемъ тьи дворы наши отъ насъ ему даемъ, и то на вѣру его здаемъ, ижъ маеть онъ съ тыхъ дворовъ нашихъ половицу всихъ доходовъ, цыншовъ, пожитковъ и даней грошовыхъ, медовыхъ, который съ тыхъ дворовъ нашихъ приходятъ и тежъ зъ гуменъ, продаючи ихъ, половицу на насъ господаря до скарбу нашего давати, а другую половицу всихъ доходовъ, пожитковъ, цыншовъ и гуменъ маеть онъ съ тыхъ дворовъ нашихъ на себе мѣти и брати ку своему власному пожитку. И маеть онъ почати тьи дворы отъ насъ держати отъ сего нового лѣта Обрѣзанья Господня пришлого свята, которое въ року тысяча пятьсотъ пятьдесятъ третемъ будетъ, нижли въ тотъ жо годъ въ року тысяча пятьсотъ петдесятъ третемъ и потомъ годъ отъ году завжды будетъ онъ виненъ половицу цын-

шовъ, доходовъ, пожитковъ, даней грошовыхъ и медовыхъ и зъ гуменъ, продаючи ихъ съ тыхъ дворовъ нашихъ, на насъ до скарбу нашего безъ жадного чиненья личбы отдавати, а другую половицу того всего на себе мѣти до своего живота. А што ся дотычетъ sprawy и постановенья волокъ и пожитковъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ, ино панъ Василей не маеть ни въ чомъ оное sprawy и постановенья волокъ нашихъ нарушати и ихъ казити. Але ещо маеть вси доходы, пожитки множити и люди на волокахъ осаживати, яко прислушитъ на доброго звѣреного врьдника нашего. А по животъ пана Василевома не мають тыи дворы наши жонъ, ани дѣтемъ его прійти, одно то маеть зася на насъ господаря быти взято къ замку нашему Слонимскому къ рукамъ нашимъ быти держано, яко жъ есмо очивисто розказали воеводу Новгородскому, маршалку дворному, подскарбему земскому, старостъ Слонимскому и Мстибоговскому, пану Ивану Горностаю, абы его милость розказалъ въ тыи дворы наши увязанье ему дати и съ чимъ то будетъ подано на реестра списати. И на то есмо ему дали нашъ листъ зъ нашею печатью. Писанъ у Вильни, лѣта Божого Нароженья тысяча пятьсотъ пятьдесятъ второго, Декабря двадцать третьего дня. Sigismundus Augustus Rex»

Иванъ Горностаи староста Слонимский

(возможно, «писарь», прим. автора).

Дух реформаторства проникал в образованные семьи магнатов Великого княжества разными путями. Николай Радзивилл Чёрный, который с 1529 года жил и воспитывался при королевском дворе в Кракове, в 1534 году стал учиться в Краковском университете. Беларуский историк К. Шишигина-Потоцкая замечает: «В 1529 году по решению монарха Сигизмунда Старого Николай Чёрный некоторое время жил при королевском дворе в Кракове, где вместе с будущим польским королем и великим князем Сигизмундом Августом получал образование. Атмосфера Возрождения при дворе имела большое влияние на его вкусы и привычки. Закончив обучение, он вместе с братом вернулся в Несвиж и активно включился в политическую и экономическую жизнь страны» [47].

Остается только удивляться тому подъему в духовной и материальной сфере, какой охватил Беларусь-Литву, Великое княжество (ВКЛ) в XVI и XVII веках, не заметить его невозможно, и этот подъем безусловно связан и с влиянием миссионеров-протестантов и их деятельностью на землях ВКЛ.

НИКОЛАЙ РАДЗИВИЛЛ

«Николай Радзивилл Чёрный стал в Великом княжестве Литовском защитником и поборником кальвинизма. Прежде всего он открыл кальвинистскую молельню в своем доме на Лукишках под Вильно. В 1561 году на виленской Бернардинской площади он поставил каменный собор, открыл молельни в своих усадьбах — в Клецке, Несвиже, Орше, Девялтове, Ивье, Шилянах, Койданах, Биржанах, Бресте» [46].

НИКОЛАЙ РАДЗИВИЛЛ «Чорны»» (1515 – 1565)

НИКОЛАЙ РАДЗИВИЛЛ «Чорны» (рус. «Чёрный») – Великий гетман ВКЛ, родился 26 января 1564 года близ ме-

стечка Чашники (ныне город в Витебской обл. Беларусь). Известен, как прославленный полководец в борьбе с Московским княжеством, отстаивавший свои родные земли.

Отец – трокский каштелян Ян Радзивилл Бородатый, мать Анна из рода Кишек, дочь Станислава Кишки из Техановца. Первоначальное образование получил домашнее. Юность провёл при королевском дворе в Кракове, где сблизился с будущим великим князем литовским и королём польским Сигизмундом II Августом.

Стремительное возвышение Николая Радзивилла Чёрного началось после того, как 1544 году Сигизмунд Старый передал власть в Великом княжестве Литовском своему сыну Сигизмунду Августу. Николай получил должность маршалка земского и принимал участие в посольских миссиях.

В 1547 году во время пребывания в Аугсбурге получил от императора Карла V право на титул князя Священной Римской империи.

Присвоение Герба и титула князей Священной Римской империи. Николаю Радзивиллу

Картина неизвестного художника

Картина иллюстрирует присвоение Николаю Радзивиллу «Черному» и его наследникам титула и герба князей Священной Римской империи.

Замок Радзивиллов в Несвиже Минская обл. Беларусь фото автора

Показанное в картине событие – одно из ключевых в истории рода Радзивиллов. К середине XVI века Радзивиллы уже относились к числу самых богатых и влиятельных фамилий Великого княжества Литовского. Титул князей Священной Римской империи Радзивиллы впервые получили еще в 1518 году, но в 1546 году эта ветвь рода угасла. Николай Ян Радзивилл «Черный» получил титул князя для себя, своих потомков, а также добился распространения данного титула и на своих братьев. И с тех пор этот титул закрепился за ними на века. Произошло это на Аугсбургском собрании в декабре 1547 года.

Николай Радзивилл был сторонником сохранения самостоятельности Великого княжества Литовского в составе федеративного государства Речи Посполитой.

Одним из первых среди влиятельных магнатов приняв кальвинизм, оказал значительное влияние на распространение и пропаганду реформационных идей.

Под его покровительством и в его владениях действовали типографии в Бресте и в Несвиже, в которых при участии Сымона Будного, Мацея Кавячинского и других просветителей печаталась не только религиозная и полемическая, но и светская литература.

Николай Радзивилл отличился и на военном поприще. 26 января 1564 года, на пути к Орше, близ местечка Чашники, Николай Радзивилл во главе отряда преградил путь войску Шуйского, захватившему к этому времени Полоцк, идущему на соединение с войском князя Серебряного. Всего в русских войсках было 20—25 тысяч человек.

Николай Радзивилл во главе отряда с 6 тысячами литвинов нападает на русские войска. Битва закончилась полным разгромом московитов. Шуйский погиб, обоз был потерян, князь Василий Серебряный оказался вынужден повернуть назад, к Смоленску. По рыцарскому кодексу литвинов тело Шуйского перевезли в Вильно и похоронили там со всеми почестями [45].

Значительные преобразования были проведены Николаем Радзивиллом в сельском хозяйстве ВКЛ.

«В 1556 году Николай Радзивилл «Черный» проводит аграрную реформу, которая позволила каждой крестьянской семье получить во владение «валоку» (21 гектар) земли. Земля была размерена так, чтобы каждое хозяйство имело землю одинакового качества. Теперь благосостояние крестьянина зависело не от везения, а от умения качественно вести свое хозяйство...

Новая система хозяйствования дала возможность увеличить урожаи зерновых, так что рожь и ячмень начали вывозить на продажу за границу»...

«Ликвидация сельской общины позволила развивать разнообразное производство, особенно связанное с переработкой древесины, так как часть крестьян вместо работы на земле начали заниматься ремеслом. Появились целые поселения смолокуров, котельников, кожевников, сапожников, кузнецов.

Всё это способствовало росту городов и местечек. Если в начале столетия их было только 48, то в конце века их насчитывалось более 300.

Урбанизация Великого Княжества была связана со стремлением магнатов основывать города и местечки в своих владениях. Радзивиллы, Сапеги, Пацы и другие магнаты приглашали всевозможных ремесленников, в первую очередь ве-

рующих, и давали новым поселениям магдебургское право (право самоуправления)» [48].

Был сторонником сохранения самостоятельности Велико-го княжества Литовского в составе федеративного государства Речи Посполитой.

Одним из первых среди влиятельных магнатов приняв кальвинизм, оказал значительное влияние на распространение и пропаганду реформационных идей.

Под его покровительством и в его владениях действовали типографии в Бресте и в Несвиже, в которых при участии Сымона Будного, Мацея Кавячинского и других просветителей печаталась не только религиозная и полемическая, но и светская литература.

Монета выпущенная к 500-летию со дня рождения Николая Радзивилла (Радзівілл «Чорны») в Республике Беларусь

ГАШТОЛЬД Альбрехт

После смерти Великого канцлера Николая Радзивилла (1521) в 1522 году король Сигизмунд II Август официально одобрил приоритетную работу над сводом законов (Статутом), как национальную задачу. Во главе этого колоссального труда становится следующий канцлер Великого Княжества Литовского – Альбрехт Гаштольд.

«Работа над сводом законов затянулась до 1529 года, когда он был представлен на утверждение Сейма в Вильно и получил одобрение. Как только он был утвержден и подписан великим князем и королём Зигмундом (Сигизмундом) Августом, он вступил в силу, как единый свод законов государства для всех сословий и руководство для исполнительной власти, судей и чиновников Великого княжества Литовского...» [39].

Надгробие Альбрехта Гаштольда

Литография Юзефа Озембловского, 1840

Альбрехт Гаштольд (ок.1487 – 1539) вошёл в историю, как реформатор государственной канцелярии ВКЛ и главный редактор Первого Статута ВКЛ (1529). Он опекал Франциска Скарыну (видимо, привлек его к редактированию Статута) и, будучи богатейшим магнатом ВКЛ, был, поочередно, новогрудским наместником и воеводой, полоцким и трок-

ским, подчашим Литвы, виленским воеводой и, наконец, Великим канцлером ВКЛ.

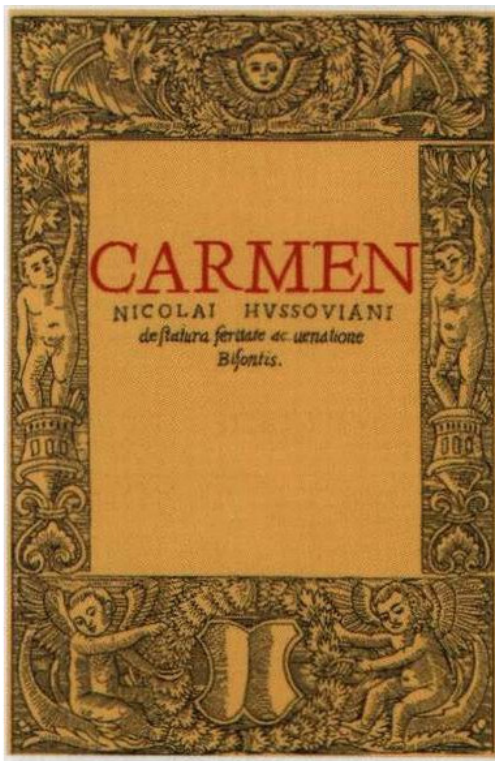
Эта эпоха, «золотой век», дала Великому княжеству (Беларуси), кроме военачальников, целую плеяду выдающихся деятелей культуры своего времени, политиков и ученых, гуманистов и просветителей – Николая Гусовского, Франциска Скорины, Василя Тяпинского, Сымона Будного.

ГУСОВСКИЙ Николай

Николай Гусовский – создатель белорусского эпоса «Песня о зубре», поэт раннего Ренессанса, живший и творивший на землях Великого княжества Литовского, Италии и Королевства Польского. (*Carmen de statura feritate ac venatione bisontis*, лат. яз. в переводе «Песнь о мощи, дикости зубра и охоте на него»).

Гусовский родился в семье охотника, вырос и видел охоту на грозного зверя в деревне Усово (потом слилась с деревней Королевщина), расположенной на берегу реки Уса, притока Немана, нынче Налибокской пушче, был католическим священником, сан принял около 1518 года. Некоторое время исполнял должность публичного нотариуса апостольской канцелярии для Великого княжества Литовского. В 1520—1522 годах Николай Гусовский в составе дипломатической миссии (к папе римскому Льву X) попал в Рим.

Николай Радзивилл, виленский воевода, предполагал наградить в подарок Льву X чучело зубра, в связи с этим Николай Гусовский должен был написать некое «приложение» к этому необычному подарку – поэму «*Carmen de statura feritate ac venatione Bisontis*» (в пер. с лат. яз. «Песня про облик, дикость зубра и охоту на него»), которая ныне более известна как «Песня про зубра». Но Лев X умер и подарок не был ему доставлен.

**Титульный лист первого издания «Поэмы о зубре»
1523 года**

«Песня про зубра» была издана в 1523 году и посвящена королеве Боне, которая дала средства на печать этого произведения. Поэму характеризуют, как произведение о род-

ном крае и народе, размышление о судьбе Родины, о её месте на путях истории [32].

В 1565—1580 годах литвин-беларус Василь Тяпинский (1540—1600), в типографии своего имени, напечатал «Евангелие» на церковнославянском и беларуском языках, это была ПЕРВАЯ, напечатанная в типографии, БИБЛИЯ восточных славян.

«К Евангелию Тяпинский написал предисловие, которое далеко выходило за рамки принятых в то время предисловий к религиозным книгам. В нем автор подвергает критике духовенство, политику ополячивания и окатоличивания беларуского народа. Предисловие к Евангелию представляет собой замечательный литературный памятник» [38].

СКАРЫНА

Франциск СКАРЫНА – беларуский первопечатник, основатель славянского книгопечатания. родился 6 марта 1486 года в Полоцке. 1551, Прага, Королевство Богемия

Первоначальное образование получил в Полоцке. Латинский язык изучал в школе монахов-бернардинцев

В 1504 году становится студентом Краковской академии, где получает звание «лиценциата медицины» и степень доктора вольных искусств о чём свидетельствует актовая запись: «Франциск из Полоцка, литвин»^[9].

После этого ещё пять лет Скорина учился в Кракове на факультете медицины. Степень доктора медицины защитил 9 ноября 1512 года, успешно сдав экзамены в Падуанском университете в Италии.

В 1517 году Франциск Скорина основывает в Праге типографию и издаёт кириллическим шрифтом «Псалтырь», первую печатную книгу на старобеларуском языке. Всего на протяжении 1517—1519 годов переводит и издаёт 23 книги Библии. Меценатами Скорины был князь, воевода трокский и великий гетман литовский Константин Острожский.

В 1520 году переезжает в Вильну – столицу Великого Княжества Литовского, где основывает первую на территории государства «печатню» (типографию). В ней Ско-

рина в 1522 году издаёт «Малую подорожную книжку», а в 1525 году «Апостол». В Вильне, в доме «найстаршего» виленского бурмистра Якуба Баби́ча Скарына напечатал на старобеларуском языке «Малую подорожную книжицу» (1522). В ней, кроме библейских текстов, впервые появились начальные сведения по астрономии, о солнечных и лунных затмениях. За 14 сентября, например, в «книжице» значилось: «Того дня сольнце входит во знамя небесное вага (бел. яз.) и быва равен день с нощию»... Немногим позже беларуские «печатни» стали работать и во многих других городах и местечках ВКЛ (Заблудово, Несвиж, Лоск, Заславль, Брест и др.).

«Соборник», изданный Скарыной в 1522 году, стал первым печатным календарем в восточнославянских землях, он входил в состав «Малой подорожной книжицы», где еще содержалась «Пасхалия», с расчётами дат пасх на период с 1523 по 1543 год.

Деятельность литвина (беларуса) Скарыны была настолько разнообразна, что трудно в двух словах дать оценку этому выдающемуся сыну земли Беларусь, деятелю средневековья. Книгопечатание было для Скарыны только инструментом, очень важным, даже революционным в то время, но свою миссию он видел в другом – в развитии общей культуры беларуского (литвинского) народа, в продолжении его традиций, в просвещении нации. Он предварял свои книги

предисловиями-рассуждениями, как например, в «Прадмове» («предисловие» бел. яз.) «Кнігі Прысловаў Саламона», где говорилось о значении белорусского фольклора, о народных притчах:

*«У прытчах сукрыта мудрасьць,
як-бы моц у дарагім камені,
і як золата ў зямлі, і ў варэху».*

(Францишак Скарына, 1517, предисловие к Книге «Прысловаў Саламона»)

«По таланту и универсальности своих знаний Скарына превосходил современников, он проявил себя в различных видах деятельности, являясь одновременно философом, издателем книг, переводчиком, поэтом, художником (гравером), медиком, астрономом-астрологом и алхимиком. В конце жизни он посвятил свои дни тиши библиотек и работе садовника-естествоиспытателя (ботанический сад в Праге), собирателя лекарственных растений, и ушел в вечность незаметно...»

«Скарына – выдающийся славянский мыслитель-гуманист эпохи Возрождения. Он освоил древнерусскую философско-этическую традицию, для которой характерен взгляд на природу и общество через идеал нравственно прекрасного, и предпринял попытку синтеза этой традиции с западноевропейской философской культурой и общественной мыс-

лю. Он явился основоположником ренессансно-гуманистического направления в отечественной философской и общественно-политической мысли, национальной традиции в истории белорусской культуры...

Родственный характер деятельности Скарыны и Лютера отмечал, в свое время, Андрей Курбский» [40].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.